

Один маленький грех

Автор:

Лиз Карлайл

Один маленький грех

Лиз Карлайл

Очарование (АСТ)Семья Маклахлан и друзья #2

Маленькие грешки приводят порой к большим последствиям... Но сэр Аласдэр Маклахлан забыл об этой старинной мудрости – и вспомнил о ней, лишь когда плод одного его «маленького греха» был отдан ему прямо в руки. Что делать неисправимому холостяку? Сэр Аласдэр решает нанять для маленькой дочери гувернантку – и молоденькая Эсме Гамильтон кажется ему идеальной кандидатурой на эту роль. Однако чем чаще видит он Эсме, тем вернее понимает, что встретил женщину, о которой мечтал всю жизнь...

Лиз Карлайл

Один маленький грех

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Liz Carlyle

ONE LITTLE SIN

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© S. T. Woodhouse, 2005

© Перевод. М.Г. Луппо, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Лиз Карлайл всегда интересовалась историей, а Англия и Шотландия – самый любимый ее период. И поскольку она всегда хотела писать для женщин, то и выбрала своим жанром именно исторический любовный роман. Так появились на свет захватывающие романтические истории, завоевавшие сердца читателей по всему миру.

Пролог

Неудача, постигшая сэра Аласдэра Маклахлана при посещении кулачных боев

Был знойный сентябрьский полдень, когда сэр Аласдэр Маклахлан оказался очень близок к тому, о чем предупреждала его незабвенная Старушка

Макгрегор, по крайней мере, последние тридцать лет: к воздаянию за грехи. Однако сколько бы она ни твердила свое, он никогда не внимал ее увещаниям.

Лет до восьми Аласдэр думал, что почтенная леди, произнося «воздаст», бормочет еще одну шотландскую молитву с просьбой о богатстве, поскольку Старушка была очень равнодушна к земным благам. Он просто не обращал внимания на эти слова, как и на прочий изрекаемый ею вздор вроде «если уж якшаешься с дьяволом, то будь поосторожней» и вечное присловье «дьявол гордился, да с неба свалился, а гордец...».

Впрочем, он плохо помнил, что там случилось с гордецом, и нимало не беспокоился об этом, потому что его мысли в этот на редкость жаркий день были совсем о другом, а сам он был полностью погружен в Блосс – так звали жену деревенского кузнеца, – когда раздался первый выстрел и воздаяние оказалось совсем близко.

– Вот беда! – воскликнула Блосс, отталкивая его. – Мой муж!

Неловко путаясь в панталонах, Аласдэр скатился с кучи соломы, вскочил, отфыркиваясь от пыли, и закрутился, надевая подтяжки.

– Ладно, Блосс! Я знаю, ты где-то здесь! – гремел угрюмый голос по конюшне, проникая во все ее закоулки. – Уж на этот раз я доберусь до тебя! И до чертова шотландца тоже!

– Господи, опять, – устало пробормотала Блосс. Она уже поднялась и оправляла юбки. – Обычно мне удается ненадолго задержать его, – шепнула она, – но вы лучше перелазьте через стенку и бегите со всей мочи. Мне Уилл ничего не сделает. Вас он точно прикончит.

Торопливо заправляя рубашку, Аласдэр скривился:

– Ты будешь горевать обо мне, милочка?

Блосс пожала плечами. Ясно – легко досталось, легко потерялось. Аласдэр сам гордился легкостью, с которой он действовал в подобных случаях.

Из прохода между стойлами доносился звук безжалостно распахиваемых и с грохотом захлопывающихся дверей.

– Выходи, разряженный ублюдок! – ревел кузнец. – Здесь только один вход и один выход, и я жду тебя!

Аласдэр смачно чмокнул Блисс и кинулся к стенке.

– Любовь моя, – подмигнул он ей, – ты стоишь того.

Блисс бросила на него циничный взгляд, затем захлопнула дверь. Дрыгая ногами, Аласдэр перевалился через дощатую перегородку в соседнее стойло.

– Уилл Ханди, ты что, рехнулся? – Блисс теперь стояла в проходе, излишне громко протестуя. – Убери свой пистолет, пока сам себя не застрелил! Что мне, нельзя и вздремнуть чуток? За день умоталась до полусмерти, таскаясь вверх-вниз с водой и пивом, как будто я какая-нибудь прислужница.

– Похоже, я знаю, кого ты тут обслуживала, девочка.

Голос рока раздавался теперь всего в нескольких футах от незадачливого любовника.

– Где же он? На этот раз я точно пришибу кого-нибудь.

Аласдэр осторожно приоткрыл дверь стойла и выглянул. О Боже! Аласдэр был не мелким мужчиной, но муж Блисс походил на норовистого тяжеловоза, желтые зубы и все такое. И потом от него несло, как от коня.

Он был голым до пояса, если не считать грязного кожаного фартука; по грубой бронзовой коже бежали грязные ручейки. Черные волосы покрывали его бочкообразную грудь, могучие руки и большую часть спины. В одной руке он держал отвратительного вида серп, в другой – старинный дуэльный пистолет, второй такой же был засунут за пояс.

Два пистолета. Одна пуля.

Черт. Аласдэр изучал математику в Сент-Андрусе, и ему не понравился такой расклад сил. Господи, ну и влип же он на этот раз. Но жизнь слишком мила ему, чтобы так просто с ней расстаться.

Блисс смочила уголок фартука и вытирала им полоску сажи на большом грубом лице.

– Успокойся, Уилл, – ворковала она. – Никого здесь нет, только я, понял?

Аласдэр приоткрыл дверь еще на дюйм и подождал, пока Блисс не взяла муженька за руку. Она тянула его внутрь, и Аласдэр ожидал, пока они не завернули за угол, после чего на цыпочках двинулся к выходу. И тут же наступил на грабли. Длинный черенок из твердого английского дуба выскочил из навозной кучи и попал ему прямо между глаз. Аласдэр выругался, споткнулся и, шатаясь, двинулся дальше.

– Вот он, – взревел кузнец. – Иди сюда, проклятый трус!

Аласдэр не был безумцем. Кузнец отбросил руку жены и повернул обратно. Аласдэр отшвырнул с дороги грабли, вильнул влево и пронесся мимо него. Кузнец взревел, как взбешенный бык, и развернулся, но было поздно.

Аласдэр выскочил на слепящее солнце как раз в тот момент, когда на поляне внизу стало шумно. На подпольные кулачные бои в эту маленькую сurreйскую деревню стекалась добрая половина лондонских мошенников, и вид окровавленного аристократа, убегающего от кузнеца, вооруженного серпом, не произвел на публику большого впечатления.

Сбегая вниз по холму, заросшему травой, Аласдэр слышал за спиной тяжелый топот кузнеца. Аласдэр напряженно вглядывался в толпу, пытаясь отыскать в ней своих спутников. Сзади громко пыхтел кузнец. Аласдэр подумывал – может быть, лучше остановиться и постоять за себя? Пусть он проигрывает в размерах, зато быстрее и опытнее в борьбе. Только вот у Уилла заряженный пистолет, и справедливость на его стороне.

Аласдэр достиг подножия холма и бросился туда, где стояли экипажи. Кузнец явно был плохим бегуном, он быстро отстал. Аласдэр обежал половину поляны, всматриваясь в море голов под палящим солнцем. От влажной травы, пролитого

пива и свежего навоза поднимались кислые испарения. Теперь стало слышно, как неистовствовала толпа, сопровождая быстрые глухие удары плоти о плоть поощряющими или язвительными выкриками. Один из борцов отступил, вызвав взрыв одобрения в адрес другого, и в этот момент Аласдэр увидел своего брата, продирающегося через толпу, и неотступно следующего за ним Куина, на ходу отхлебывающего из пивной кружки.

Меррик встретил его возле большого старомодного экипажа.

– Что за дьявол вселился в тебя? – спросил он, когда Аласдэр увлек брата за него.

– И кто тот Голиаф, который следует за тобой по пятам? – добавил Куин. – Похоже, он попал тебе прямо между глаз, старик.

Аласдэр прислонился к карете, успокаивая дыхание.

– Пока могу только сказать, что нужно уносить ноги, джентльмены. Немедленно.

– Уносить ноги? – недоверчиво произнес Куин. – Я поставил двадцать фунтов на этот бой!

У Меррика вытянулось лицо.

– Почему? Что случилось?

– Опять юбка! – заключил Куин. – Ты не мог украсить рогами кого-нибудь не такого крупного?

Аласдэр оторвался от кареты, всматриваясь в край поляны. Меррик жестко схватил его за руку.

– Скажи, что не так.

Аласдэр пожал плечами.

– Это была Блосс, девица, которая разносила пиво. Она всем видом давала понять, что не прочь провести некоторое время в горизонтальном положении. Я уступил ей из чистого милосердия, уверяю тебя.

– Бог мой, Аласдэр, – сказал его брат. – Ведь знал же я, что с тобой обязательно...

– Приготовиться! – прервал его Куин, отбрасывая пивную кружку. – Он приближается.

С противоположной стороны поляны к ним двигалась гора потного, издающего нечленораздельные звуки мяса, размахивающая пистолетом и серпом, зловеще сверкающим на солнце.

– Нам лучше бежать, – сказал Аласдэр.

– Будь я проклят, если побегу, – холодно произнес Меррик. – Кроме того, я оставил карету у трактира «Королевский герб».

– Один из его пистолетов заряжен, – предупредил Аласдэр. – Меррик, может быть, я и заслужил это, но ты ведь не хочешь, чтобы этот деревенский идиот убил какого-нибудь случайного гуляку.

– Друзья, лучше остаться в живых и сразиться в другой раз, – заявил Куин.

– К черту все, – подытожил Меррик.

Все трое ринулись к обходной дорожке, по которой тоже сновали люди. Она петляла у подножия холма и вела вверх, на задворки деревни. Вдоль нее хитроумные трактирщики расставили фургоны и шатры, в которых продавали пироги с мясом и пиво. Тут же расположились бродячие торговцы и цыганки, шла бойкая торговля всевозможными кустарными поделками, взбадривающими напитками и талисманами; сверху из деревни неслись звуки скрипки.

Куин прокладывал дорогу в толпе, пока она не поредела. Аласдэр с братом следовали за ним. На очередном повороте Куину пришлось шагнуть с тропинки в сторону, чтобы пропустить тощего человечка, с трудом удерживающего на

плече бочонок с пивом. Меррик сделал то же. По несчастью, Аласдэр плечом задел выступающий локоть человека, несущего пиво, – тот остановился, выругался и уронил бочонок, который запрыгал вниз по дорожке.

– Ловко же ты маневрируешь! – ехидно бросил Меррик.

Аласдэр оглянулся и увидел, что кузнец сократил расстояние между ними. В каких-нибудь трех футах от него бочонок ударился о землю и взорвался пивом и пеной. Человек, уронивший его, явно решил объединиться с кузнецом и развернулся, чтобы пуститься в погоню.

За следующим поворотом оказался ядовито-зеленый фургон, а рядом с ним – большой шатер в пятнах и заплатках. Куин откинул полотнище, закрывающее вход в него.

– Быстрее сюда, – скомандовал он.

Меррик нырнул в темноту. Аласдэр последовал за ним. Какое-то время они ничего не видели и только слышали собственное тяжелое дыхание. Пока глаза Аласдэра привыкали к темноте, из полумрака раздался мрачный голос:

– Позолоти ручку, англичанин.

Он всмотрелся в глубину шатра и увидел цыганку, которая сидела за шатким деревянным столиком, вытянув тонкую руку с длинными пальцами.

– Я... я не англичанин, – почему-то нашел нужным сообщить он.

Она оглядела его с головы до ног, как если бы он был лошадей, выставленной на продажу.

– Это не совсем так, – сказала она.

По отцовской линии Аласдэр был на четверть англичанином. Им овладело неясное беспокойство.

– Позолоти ручку, – повторила она, щелкнув красивыми пальцами. – Или ты предпочитаешь уйти? Это не убежище, я здесь работаю.

– Бога ради, заплати этой женщине, – потребовал Меррик, все еще поглядывающий в щель у входа. Было слышно, как снаружи кузнец спорил с кем-то, скорее всего с человеком, лишившимся бочонка с пивом, о том, что делать дальше. Аласдэр засунул руку глубоко в карман, извлек кошелек и положил монету на ладонь женщины.

– Три, – сказала цыганка, еще раз нетерпеливо щелкнув пальцами. – По одной на каждого.

Аласдэр снова полез в кошелек.

– Садись, – приказала она, осмотрев монеты. – Все трое садитесь. Те глупцы не войдут сюда. Не посмеют.

Куин и Меррик удивленно уставились на нее.

Она дернула плечом – и волна блестящих черных волос упала ей на лицо.

– А что? – с вызовом бросила она. – У вас есть другой выход?

Куин, самый сговорчивый из них, придвинул трехногие стулья к столу и выполнил ее приказание.

– Меррик, не порть компанию, – сказал он. – Что еще мы можем сделать в такой ситуации?

Меррик подошел к столу и сел, все еще недовольно поглядывая на Аласдэра.

– Руку, – потребовала цыганка.

Аласдэр послушно протянул руку. Женщина взяла ее и какое-то время рассматривала раскрытую ладонь. Как бы желая прояснить увиденное, она большим пальцем провела по линиям его ладони. Внутри шатра царили тишина и спокойствие, остальной мир со всеми его звуками, казалось, исчез. Женщина

придвинула ближе маленькую лампочку и зажгла фитиль, осветив помещение слабым желтым светом. Она была, как внезапно осознал Аласдэр, поразительно хороша собой.

– Назови свое имя, англичанин, – пробормотала она, все еще не отрывая глаз от его ладони.

– Маклахлан.

– Маклахлан, – эхом отозвалась она. – Я думаю, ты плохой человек, Маклахлан.

Аласдэр подался назад.

– Вовсе нет, – запротестовал он. – Я добрый малый, не хуже других, в самом деле. Спроси кого хочешь. У меня и врагов нет.

Она оторвала взгляд от его руки, выгнула тонкую черную бровь.

– А те, кто гнался за вами, – спросила она, – это ваши друзья?

Аласдэр почувствовал, как жаркая кровь прилила к его лицу.

– Результат недопонимания, – сказал он. – Что-то в этом роде.

Ее брови сошлись вместе.

– Зло бывает разным, Маклахлан, – произнесла она гортанным голосом. – Ты совершил множество грехов.

– Разве ты священник? – заговорил он злобно-насмешливо. – Хорошо, признаюсь. Теперь расскажи мне о моем будущем, и покончим с этим.

Но она уже положила руку Аласдэра ладонью вниз и сделала движение, чтобы заняться его братом. Меррик прищурился. Цыганка задумалась. Шрамы на лице и холодные голубые глаза не делали Меррика привлекательным. Но в конце концов он смягчился.

Она поводила большим пальцем по линиям и выпуклостям его руки.

– Еще один Маклахлан, – пробормотала она. – Дьявольски удачлив. И с дьявольскими глазами.

– Этот еще хуже. – Меррик хрипло засмеялся.

Она медленно кивнула.

– Я вижу здесь, – она коснулась кожи ниже указательного пальца, – и здесь.

Она поводила пальцем в центре ладони, и Меррик, хотя ему удалось сохранить внешнее спокойствие, внутренне содрогнулся.

– У тебя богатое воображение, ты натура творческая, художник, – начала она.

Меррик колебался.

– В некотором роде, – согласился он.

– И, как многие художники, ты страдаешь грехом гордыни, – продолжала она. – Ты пользуешься большим успехом, но не знаешь счастья. Безмерная гордыня и разбитое сердце ожесточают тебя.

– И дальше будет так же? – нагло спросил Меррик.

Она прямо посмотрела на него и кивнула.

– Почти наверняка, – сказала она. – В прошлом так оно и было.

Цыганка оттолкнула его руку и повернулась к Куину.

– У меня много грехов, – признал Куин, протягивая свою ладонь. – Не знаю, хватает ли на моей ладони места для всех.

Женщина склонилась над ней и издала горловой звук.

– Опрометчивый, – сказала она. – Поступаешь необдуманно. Сначала говоришь, а потом думаешь.

Куин нервно засмеялся.

– Не могу не согласиться, – признал он.

– Ты заплатишься за это, – предупредила она.

Куин замолк. Потом сказал:

– Может быть, я уже заплатился.

– Ты заплатишься снова, – спокойно сказала она. – И самым худшим образом, если только не исправишь то плохое, что сделал.

– Что именно? – попробовал засмеяться он. – Список такой длинный.

Она подняла на него глаза и выдержала его взгляд.

– Ты знаешь, – сказала она. – Да, ты знаешь.

Куин заерзал на стуле.

– Я... я не уверен.

Цыганка пожала плечами и указательным пальцем потрогала его ладонь у основания большого пальца.

– Я вижу, что недавно ты понес большую утрату.

– Мой отец, – признал Куин. – Он... он покинул нас.

– А... – сказала цыганка. – Как тебя зовут?

– Куин, Куинтин Хьюитт – или Уинвуд. Лорд Уинвуд.

Она снова издала горловой звук.

– У вас, англичан, так много имен, – пробормотала она, роняя его руку, как если бы она устала. – Теперь уходите. Все. Идите к своей карете и уезжайте. Я не смогу сказать вам ничего такого, что помешало бы вам напрасно растрачивать ваши жизни. Ваши судьбы решены.

Аласдэр недоверчиво оборотился к выходу.

– Идите, – снова сказала цыганка. – Те, что гнались за вами, ушли. Они не вернутся. Сегодня не эти неуклюжие болваны, а сама судьба призвала тебя, Маклахлан, к ответу за твои грехи.

Меррик вскочил на ноги. Куин принужденно засмеялся.

– Сожалею, Аласдэр, – сказал он. – Меррик и я отделались довольно легко.

Он улыбнулся женщине, необычная красота которой явно подействовала на Аласдэра.

– Легко? – отозвалась цыганка. Она подняла глаза на Куина и пристально посмотрела на него. – Но я ничего не сказала о вашем будущем.

«А ведь это правда, – озадаченно подумал Аласдэр. – Она сказала о многом, но почти ничего не предсказывала».

Меррик теперь стоял у выхода спиной к ним и выглядывал наружу.

– Что же, тогда скажи, – не без вызова предложил Куин. – Что ждет нас, мадам? Богатство? Дальняя дорога? Что?

Она немного помедлила.

– Это не салонная игра, милорд. Ты действительно хочешь знать?

Куин замялся.

– Я... Да... Почему бы нет?

Теперь цыганка будто всматривалась куда-то в даль.

– Как говорится в вашей пословице, лорд Уинвуд? Вспомнила! «Цыплята всегда возвращаются на свой насест». – Ее голос стал жестким. – В любом случае ни одному из вас больше не удастся избежать наказания за ваши дурные поступки. Ни один из вас не сможет продолжать брать и пользоваться, не платя за это. Вы должны начать оплачивать свои грехи. Так будет – вам не уйти от судьбы.

– Пороки? Грехи? – заговорил Аласдэр. – Мадам, это слишком сильно сказано.

– Называйте как хотите, – сказала цыганка, пожав плечами, отчего ее длинные серьги закачались. – Но ты заплатишь, Маклахлан. Ты получишь урок. И будешь страдать. То, что произойдет дальше, будет таким же реальным и таким же болезненным, как кровоподтек у тебя между глаз.

Меррик приглушенно выругался, но не обернулся.

– Я начинаю уставать от этой челтнемской трагедии, – бросил он. – С меня хватит.

– Подожди, Меррик. – Куин осторожно рассматривал женщину. – Это что, одно из цыганских проклятий?

Глаза женщины засверкали.

– Лорд Уинвуд, ты глупец, – сказала она. – Ты начитался романов. Вы, все трое, сами себя прокляли, мне тут нечего делать. Настало время восстановить справедливость. Вы должны все исправить.

– Что за вздор! – бросил через плечо Меррик.

– Тем не менее так и будет, – спокойно сказала женщина.

Внезапно в шатер ворвался холодный ветер, и Аласдэра, несмотря на летнюю жару, охватил озноб. Он повернулся и увидел, что его брат уже откинул полог и двинулся по дорожке вниз. Куин помедлил и последовал за ним.

Аласдэра трудно было напугать и обескуражить, он улыбнулся и уселся на средний стул.

– Моя дорогая девочка, – сказал он, перегибаясь через стол. – Теперь, когда рядом нет этих закосневших в предрассудках филистеров, могу я задать тебе вопрос – кто-нибудь говорил тебе, что твои глаза имеют цвет лучшего коньяка? Что твои губы подобны лепесткам роз?

– Да, и что мои ягодицы как два полукружия из каррарского мрамора, – сухо отвечала красавица. – Поверь мне, Маклахлан, я слышала все это.

Улыбка Аласдэра увяла.

– А жаль!

Цыганка посмотрела на него озадаченно и встала.

– Уходи, – сказала она. – Убирайся из моего шатра вместе со своими избитыми приемами обольщения. Здесь они не принесут тебе успеха.

Аласдэр опустил голову и засмеялся.

– День действительно выдался неудачный, – признал он.

Цыганка некоторое время молчала. Напоследок прошептала:

– Мой бедный, бедный Маклахлан. Боюсь, ты не представляешь себе и половины сегодняшних неприятностей.

Аласдэр снова почувствовал на своем затылке холодное дуновение ветра. Когда он поднял глаза, то увидел, что прекрасная предсказательница исчезла.

Глава 1

И грянул гром

Вернувшись в свой лондонский дом на Грейт-Куин-стрит, Аласдэр отмахнулся от вопросов дворецкого относительно обеда, бросил на кресло куртку и шарф и растянулся на потертом кожаном диване в курительной комнате. Он сразу же погрузился в темное забытие, без мыслей и чувств: алкоголь сослужил ему хорошую службу по дороге домой.

Неумеренное количество бренди понадобилось, чтобы выдержать общество спутников. Куин не мог смириться с потерей двадцати фунтов и всю дорогу ворчал и жаловался. Что же до Меррика, младшего брата Аласдэра, то ему не нужен был повод, чтобы стать мрачным и строптивым. Это было его обычное состояние. «По крайней мере его красивая цыганка охарактеризовала верно», – мелькнуло в голове Аласдэра, прежде чем он окончательно уснул.

Он так нагрузился, что у него не было сил добраться до кровати. Незадолго до полуночи его разбудил шум за окнами. Он приоткрыл один глаз и понял, что после необычно жаркого для этого времени года дня разразилась сильнейшая гроза. Уютно устроившись на диване Аласдэр зевнул, почесался, повернулся на другой бок и снова безмятежно погрузился в сладкий сон, но вскоре настойчивый стук в парадную дверь заставил его оторваться от сновидений.

Он попытался проигнорировать стук и вернуться к ускользающей игре воображения – чему-то, связанному с Блисс, прекрасной цыганкой и бутылкой хорошего шампанского. Но назойливый звук возобновился как раз в момент, когда цыганка возбуждающе проводила пальцами по его спине. Черт! Почему это Уэллингз не подходит к двери? Но дворецкий не подходил, и стук не прекращался.

Скорее раздраженный, чем обеспокоенный, Аласдэр с трудом поднялся, вышел в коридор и подошел к лестнице. В прихожей внизу Уэллингз уже распахнул дверь. Аласдэр нагнулся и увидел женскую фигуру, скорее всего служанку, стоявшую на пороге с корзиной в руках, в которой, видимо, было выстиранное белье, – и это показалось ему странным.

Нос Уэллингза смотрел несколько вверх, что указывало на его пренебрежительное отношение к посетительнице.

– Как я уже дважды объяснил вам, мадам, – говорил он, – сэр Аласдэр не принимает особ женского пола, являющихся без провожатых. Особенно в такой час. Возвращайтесь, откуда пришли, иначе вы скончаетесь на этом пороге от воспаления легких.

Он сделал движение, чтобы закрыть дверь, но женщина быстро просунула в щель сначала ступню, а затем и всю ногу.

– Кончайте нести вздор и слушайте, вы! – сказала женщина с язвительностью, достойной Старушки Макгрегор. – Позовите сюда своего хозяина и поторопитесь, потому что иначе я буду стучать в дверь до тех пор, пока на этих ступеньках не окажется сам Господь Бог со всеми своими ангелами.

Аласдэр, конечно, понимал, что совершает большую ошибку. Но, влекомый чем-то, чему он не мог дать названия, а может быть, вследствие временного помрачения ума, он начал медленно спускаться по лестнице. Его спрашивала не женщина, а совсем еще девочка. Что же до корзины с бельем, то... это не белье. Больше он ничего не мог бы сказать. На полпути вниз он откашлялся.

Уэллингз повернулся к нему, и одновременно глянула вверх девчушка. Аласдэру показалось, что он получил мощный удар в живот. Глаза у нее были чистейшего зеленого цвета – ему не приходилось видеть ничего похожего. Холодные и чистые, как альпийский ручей, – его будто окатило ледяной водой.

– Вы хотели видеть меня, мисс? – осведомился он.

Она уставилась на него.

– Да, если вас зовут Маклахлан, – отвечала она. – Именно таким я вас и представляла.

Аласдэр не посчитал ее слова за комплимент. Сейчас он предпочел бы быть совершенно трезвым. У него появилось тревожное чувство, что с этой особой, пусть худенькой, бледной и вымокшей, надо быть настороже. Она неловко, из-

под корзины, протянула ему руку. Аласдэр взял ее и почувствовал, что даже перчатка у нее сырая.

– Мисс Эсме Гамильтон, – решительно произнесла она.

Аласдэр изобразил сердечную улыбку.

– Рад видеть вас, мисс Гамильтон, – солгал он. – Мы знакомы?

– Вы не знаете меня, – сказала она. – Однако мне необходимо переговорить с вами. – Она неприязненно посмотрела на Уэллингза. – Наедине, если позволите.

Аласдэр насмешливо посмотрел на нее.

– Вы выбрали неподходящее время, мисс Гамильтон.

– Согласна, но мне дали понять, что вас можно застать только в неподходящее время.

Дурное предчувствие усилилось, но любопытство взяло верх. С легким поклоном он указал девушке, куда идти, и послал Уэллингза за чаем и сухими полотенцами. В гостиной девушка наклонилась над диваном, который был ближе всего к огню, и какое-то время поколдовала со свертком в корзине.

Кто она? Наверняка шотландка – она и не пыталась скрыть характерный акцент. Худенькая, по виду почти ребенок, если бы не русалочьи зеленые глаза. Ей не могло быть больше семнадцати-восемнадцати лет, и, несмотря на ее промокшее простенькое платье, она явно происходила не из низов. А из этого следовало, что чем скорее он сумеет ее выпроводить, тем меньшее количество неприятностей грозит им обоим.

С этими мыслями он вернулся к двери в гостиную и распахнул ее. Она смотрела на него снизу вверх с дивана и неодобрительно хмурилась.

– Я опасаюсь, что мой дворецкий может неправильно истолковать ваши обстоятельства, мисс Гамильтон, – сказал Аласдэр. – Думаю, юной леди неблагоприятно оставаться со мной наедине.

В этот момент сверток заворочался. Аласдэр так и подскочил.

– О Боже! – воскликнул он, подбегая, чтобы посмотреть на него.

Из-под кипы одеялец высунулась крошечная ножка. Мисс Гамильтон откинула верхнее, и все поплыло перед глазами Аласдэра – он успел заметить крошечную ручку, два сонных глаза в длинных ресницах и прелестный ротик, похожий на бутон розы.

– Ее зовут Сорча, – прошептала мисс Гамильтон. – Если, конечно, вы не захотите сменить ей имя.

Аласдэр отпрянул, как если бы содержимое корзинки могло взорваться.

– Если только я... захочу... что?

– Сменить ей имя, – повторила мисс Гамильтон, снова окинув его холодным взглядом. – Как бы мне ни было больно, я должна оставить ее. Я не смогу заботиться о ней так, как она заслуживает.

Аласдэр цинично рассмеялся.

– Ну нет, – произнес он безжалостным тоном, – этот номер не пройдет, мисс Гамильтон. Если бы я когда-либо укладывал вас в постель, я бы запомнил это.

Мисс Гамильтон выпрямилась.

– Меня?.. Побойтесь Бога, Маклахлан! Вы что, с ума сошли?

– Прошу прощения, – сухо сказал он. – Возможно, я чего-то не понял. Умоляю, скажите мне, почему вы здесь. И я должен предупредить вас, мисс Гамильтон, что я не идиот.

Рот девушки слегка покривился.

– Рада слышать это, сэр, – отвечала она, снова окидывая его взглядом. – А то я уже начала бояться, что это не так.

Аласдэр не был расположен терпеть оскорбления от девчушки, которая более всего походила на мокрого воробушка. Тут ему пришло в голову, что он и сам не в лучшем виде. Он спал в одежде – той самой, которую надел рано утром, отправляясь на бои. Он валялся с девкой на куче соломы, в него стрелял и за ним гнался сумасшедший, затем он напился до бесчувствия во время трехчасовой тряски в карете. Около двадцати часов он не брился, меж глаз у него красовалась багровая шишка величиной с гусиное яйцо, а волосы наверняка стояли дыбом. Он непроизвольно провел по ним рукой. Она смотрела на него со странной смесью презрения и страха, и непонятно почему он пожалел, что стоит перед ней не в сюртуке и не при галстуке.

– Теперь послушайте, мисс Гамильтон, – наконец нашелся он. – Я решительно не желаю выслушивать от вас колкости, особенно если учесть...

– О, вы правы, я знаю! – С ее лица исчезло выражение презрения, но не страха. – Я устала и раздражена; в свою защиту могу сказать, что я добиралась сюда больше недели и еще два дня пыталась разыскать вас в этом проклятом городе.

– Одна?..

– Если не считать Сорчу, то одна, – призналась она. – Приношу свои извинения.

К Аласдэру вернулась обычная уверенность.

– Садитесь, пожалуйста, и снимите свой мокрый плащ и перчатки, – скомандовал он.

Когда она подчинилась, он положил их поближе к двери и заходил по комнате.

– Теперь скажите мне, мисс Гамильтон. Кто мать этого ребенка, если вы ею не являетесь?

Ее щеки слегка порозовели.

– Моя мать, – спокойно вымолвила она. – Леди Ачанолт.

– Леди Ача... как дальше?

– Леди Ачанолт. – Девушка нахмурилась. – Вы... вы не помните ее имени?

К своему ужасу, он не помнил и признался в этом.

– Неужели? – Ее щеки порозовели. – Бедная мама! Мне представляется, она воображала, что память о ней вы унесете с собой в могилу или что-нибудь еще в этом роде.

– В могилу? – повторил он, борясь с неприятным ощущением под ложечкой. – А где же она сама?

– Мне жаль, но ее больше нет. – Рука девушки потянулась к изящной и явно дорогой нитке жемчуга на шее – и стала нервно теревить ее. – Мама покинула нас. Это случилось неожиданно.

– Сочувствую, мисс Гамильтон.

Мисс Гамильтон побледнела.

– Оставьте сочувствие для своей дочери. Между прочим, ее полное имя леди Сорча Гатри. Она была зачата больше двух лет назад, в новогоднюю ночь. Теперь-то у вас в голове прояснилось?

Аласдэр ничего не мог понять.

– Ну... нет.

– Но вы должны помнить, – настаивала мисс Гамильтон. – Был бал-маскарад – в доме лорда Моруина в Эдинбурге. Как мне представляется, весьма разгульный. Вы встретили ее на этом балу. Вспоминаете?

Его непонимающее лицо потрясло ее.

– Боже милостивый, она говорила, что вы сказали ей – это любовь с первого взгляда, – запротестовала мисс Гамильтон, и в ее голосе появились нотки подступающего отчаяния. – И что вы всю жизнь ждали встречи с такой, как она! Мама была брюнеткой. Высокая, с хорошей фигурой. Очень красивая. Господи, вы ничего не помните?

Аласдэр напрягся, пытаясь вспомнить, и почувствовал себя еще более скверно. Он был в Эдинбурге два года назад. Он изменил своим привычкам и на праздники отправился домой, потому что в это время там ненадолго появился дядя Ангус. Новогоднюю ночь они провели вместе. В Эдинбурге. И действительно были танцы. Насколько он помнит, развеселые. Ангус привел его с собой, а потом ему пришлось тащить Аласдэра до дома. Аласдэр почти ничего не помнил, разве что ужасную головную боль на следующий день.

– Ну да ладно! – Она сникла. – Мамочка не смогла устоять перед красавчиком.

Красавчиком? Она так считает? И кто такая, черт возьми, эта леди Ачанолт? Аласдэр напрягал свои мозги, на этот раз запустив в волосы обе руки. Юная особа все еще сидела на диване рядом со спящим ребенком и смотрела на Аласдэра. Ее взгляд больше не был холодным и ясным, скорее, в нем были печаль и усталость.

– Сорча очень дорога мне, Маклахлан, – тихо сказала девушка. – Она моя сестра, и я всегда буду любить ее. Но мой отчим – лорд Ачанолт – он не любит ее. С самого начала он знал...

– Что не он отец девочки? – спросил Аласдэр. – Вы уверены?

Теперь посетительница смотрела вниз, на ковер под своими насквозь промокшими туфельками.

– Он был уверен в этом, – проговорила она, – потому что он и мамочка не...

– Господи, – не вытерпел Аласдэр. – Так в чем было дело?

– Я не знаю! – выкрикнула она, заливаясь краской. – Я ничего в этом не понимаю. Он знал. Так сказала мамочка. В один из дней все раскрылось. Она бросила это

ему в лицо. Она говорила о непреодолимой страсти. Неужели она никогда не писала вам? И вы ей?

Аласдэр прижал к вискам кончики пальцев.

– Боже мой!

Она печально смотрела на него.

– Поздно взывать к Богу, – сказала она. – Послушайте, Маклахлан, последние два года были для нас очень трудными. Я изо всех сил пыталась все загладить, но теперь уже ничего нельзя поделаться. Мамочка мертва, и теперь вы должны позаботиться о ребенке. Я сожалею.

Какое-то время они молчали. Аласдэр ходил взад-вперед, его каблуки гулко стучали по мраморному полу. Ребенок. Незаконный ребенок. Господи! Все это происходит не с ним.

– Как она умерла? – наконец хрипло выговорил он.

– От лихорадки, – безжизненным голосом ответила девушка. – Обычная вещь. Она всегда хотела умереть театрально – возвышенной смертью, как она это называла, но по Шотландии, как пожар, прокатилась лихорадка. Думаю, такова была Божья воля.

Аласдэр начал подозревать, не оказал ли небольшую помощь Богу муж леди.

– Я глубоко сочувствую вашей потере, мисс Гамильтон, – наконец сказал он. – Но я никак не могу взять ребенка. Вы это имели в виду? Что здесь ему будет лучше? Уверю вас, это совершеннейшее заблуждение, не имеющее ничего общего с действительностью.

Она отчужденно смотрела на него.

– Что я думаю на этот счет, не имеет никакого значения, сэр.

Но Аласдэр был полон решимости отделаться от навязываемого бремени.

– Я убежден, что чувство скорби по вашей матушке увлекло вас на путь романтических домыслов, – продолжил он. – Но я заядлый игрок. Мот, гуляка. Бабник самого худшего толка. Самый неподходящий человек для того, чтобы воспитывать ребенка. Возвращайтесь домой, мисс Гамильтон. Между вашей матерью и мной не было никакой страсти, ни великой, ни любой другой. Перед Богом и законом отец Сорчи – лорд Ачанолт. Я уверен, что он уже сильно обеспокоен.

В ответ на эти слова мисс Гамильтон издала резкий, горький смешок.

– Тогда вы единственный романтически настроенный глупец в этой комнате, Маклахлан, – парировала она. – Наверное, воображения у вас еще больше, чем у моей бедной матери. Ачанолта ничуть не беспокоит, что говорит закон. В Шотландии он все равно что Бог. У Сорчи и у меня нет дома. Неужели вам непонятно, сэр?

Аласдэр перестал расхаживать и повернулся к ней, сцепив руки за спиной, чтобы не стукнуть по чему-нибудь кулаком.

– Боже, – пробормотал он, – этот человек выгнал вас?

Мисс Гамильтон дернула узким плечиком.

– Почему бы ему не сделать этого? – отвечала она. – Мы ему никто. У нас нет ни капли общей крови. У нас нет ни братьев, ни сестер, ни дедушек, ни бабушек. Ачанолт ничего нам не должен. Если вы не верите мне, напишите ему и спросите. Он охотно подтвердит мои слова.

Аласдэр упал в кресло.

– Боже, ваша мать умерла, а он... он просто?..

– Наши вещи выставили за порог прежде, чем доктор объявил, что она мертва, – продолжила свой рассказ мисс Гамильтон. – Хорошо еще, что он сжалился и позволил сесть в его экипаж, когда направлялся в свои покои. Мы все время жили в его семействе, и это было ужасно.

Аласдэр растерялся.

– Ачанолт не признал ребенка?

– Официально он не объявил, что это ваш ребенок, нет, – отвечала мисс Гамильтон. – Он слишком горд для этого. Но его поступки говорят больше, чем слова, ведь так? Сорча целиком зависит от вашего милосердия. Вы ее последняя надежда.

– Но... как насчет семейства вашего отца? Не могли бы они приютить вас?

Она покачала головой.

– У моего отца не было семьи и почти не было средств. Боюсь, он еще один смазливый никчемный вертопрах. Как и второй муж моей матери. И третий. Мамочка не могла устоять перед ними.

– Но Ачанолт вряд ли вертопрах.

– Нет, но его привлекательность обманчива. Ужасное заблуждение с ее стороны.

– И больше... у вас никого нет?

Девушка как-то жалко засмеялась.

– У мамы есть старшая сестра, но около двух лет назад она уехала в Австралию, – сказала она. – Я не знаю, намеревалась ли она вернуться и жива ли вообще. Я писала, но... надежды мало.

– Понимаю, – произнес Аласдэр, все больше пугаясь.

Неожиданно девушка склонилась над спящим ребенком и начала осыпать его поцелуями.

– Теперь я должна идти, – сказала она, поднялась и быстро заморгала глазами. – Извините, но мне пора.

Аласдэру показалось, что земля закачалась у него под ногами.

– Мне надо уехать рано утром с первой почтовой каретой. – Она порылась в кармане и извлекла из него маленькую коричневую бутылочку. – У Сорчи сейчас режется зуб, – торопливо добавила она. – Крайний верхний коренной. Если она будет плакать и вы не сможете успокоить ее, просто вотрите немножко вот этого в десну на том месте, где режется зуб.

Аласдэр широко раскрыл глаза.

– Втереть?..

Мисс Гамильтон улыбнулась сквозь слезы.

– Это настойка с камфарой, – объяснила она. – Просто засуньте палец ей в ротик и нащупайте твердое место в десне. Это зуб, который пробивается через ткани. Поверьте, если у меня получилось, получится и у вас. А завтра вы сможете нанять няню, ладно? Вы ведь наймете няню? И непременно очень опытную. Сорча хороший, спокойный ребенок. У вас не будет с ней много хлопот, клянусь вам.

Аласдэр уставился на коричневую бутылочку, которую она сунула ему в руку.

– О нет, мисс Гамильтон, – воскликнул он, вскакивая. – Нет, нет и нет. Я не буду делать этого. Мне не нужна бутылочка. Я никуда не засовываю пальцы. Я не умею прощупывать десны.

– Думаю, ваши пальцы побывали в местах куда хуже этого, – сказала она.

Но Аласдэр был настолько охвачен ужасом, что не заметил оскорбления. Она действительно собиралась оставить ребенка. У него перехватило дыхание. Ответственность – весь ее ужас – сваливалась на него, и он не знал, как отвертеться.

А мокрый воробушек натягивал перчатки и смаргивал слезы.

– Подождите, – запротестовал он. – Не надо так! Что... кто... куда вы отправляетесь?

– В Борнемут, – отвечала она, заканчивая натягивать вторую перчатку. – Я устроилась гувернанткой и очень рада, что мне предложили это место. У меня нет опыта. Но доктор Кэмпбелл знал одного джентльмена – отставного полковника – и навел справки насчет меня. У меня нет выбора.

– Нет выбора? – Этого он не мог себе представить.

Мисс Гамильтон посмотрела на него очень серьезно.

– Видите ли, я сейчас осталась совсем без средств, – призналась она. – Но ведь Сорча другое дело, правда? У нее есть вы. Пожалуйста, Маклахлан. Вы не можете бросить ребенка.

– О Боже, я не собираюсь бросать ее! – возразил он. – Я даже не беру ее.

Мисс Гамильтон отступила на два шага по направлению к двери.

Аласдэр уставился на нее.

– Но... ребенок! Подождите, мисс Гамильтон! Разве вы не можете взять ее? Она... она такая маленькая! Ей немного надо!

– Почему вы так жестоки ко мне? – зарыдала мисс Гамильтон. – Никто не возьмет в услужение гувернантку с маленьким ребенком. Они, конечно же, подумают, что ребенок мой, и сразу откажут от места.

Аласдэр настороженно смотрел на нее.

– А это интересная мысль, – сказал он. – Откуда я знаю, что девочка действительно не ваша?

Внезапно глаза мисс Гамильтон запылали гневом.

– Откуда, эгоистичный негодяй? Вы продолжаете отрицать, что у вас были матримониальные отношения с моей матерью?

– Было что? – с недоверием откликнулся он. – Я отрицаю даже то, что знаю, как пишется слово «матримониальные»! Но если вы спросите меня, не мог ли я наскоро доставить удовольствие какой-нибудь даме, с которой уединился за занавесками во время развеселой встречи Нового года, тогда да, я сказал бы, что такая вероятность существует – вероятность, не более того. Я не могу точно припомнить.

– Боже мой, – прошептала она в ужасе. – Вы негодяй, да?

– Виноват! – воскликнул он, воздевая обе руки к небу. – Виноват! Именно так. И счастлив быть им!

Губы мисс Гамильтон презрительно скривились.

– Сожалею, сэр, что я вынуждена совершить такой поступок по отношению к ребенку, которого очень люблю, – сказала она. – Но быть незаконной дочерью негодяя все же лучше, чем расти в приюте для сирот или в тех условиях, которые я могу предложить ей, как бы это ни печалило меня.

Она смахнула слезу, шмыгнула носом и схватила лежащую на диване намокшую сумочку.

Аласдэр остановил ее на полпути к двери:

– Мисс Гамильтон! В самом деле! Вы не можете впутать меня в неприятность и удалиться!

Мисс Гамильтон решительно повернулась и подошла к нему совсем близко.

– В неприятность, сэр, вы вовлекли себя сами благодаря вашей привычке обольщать и соблазнять! Это да еще пристрастие к рюмке, или двум, или двадцати! Так что даже не думайте перекладывать вину на меня!

Но Аласдэр уже хохотал.

– Обольщать и соблазнять, мисс Гамильтон? В самом деле!

Она подняла руку, как если бы собиралась дать ему пощечину.

– Не смейте смеяться надо мной!

Он перестал смеяться, взял ее руку и поспешно прижал к своим губам.

– Ладно, – сказал он. – Прошу меня извинить. Пусть это будет поцелуй мира. Мисс Гамильтон, мы наверняка можем прийти к соглашению, которое устроит нас обоих. Я не вижу причин, по которым мы не могли бы договориться.

Она посмотрела на его разбитый лоб.

– Кто-то стукнул вас по голове, – пробормотала она, – и это повлияло на ваши мозги.

– Мисс Гамильтон, послушайте меня, – запротестовал он. – Вы ведь не хотите бросить свою сестру? А я очень богатый человек.

– Что? – Она смотрела на него с недоверием, но с проблеском надежды. – Хорошо, говорите, Маклахлан. Какая замечательная мысль пришла вам в голову?

Аласдэр невинно пожал плечами и постарался придать лицу самое ангельское выражение, которое никогда не могло обмануть Старушку Макгрегор. Мисс Гамильтон, однако, была менее тверда или, возможно, в более отчаянном положении, потому что ее взгляд немного смягчился. Он замечательно умел притворяться! А она была такой хорошенькой, когда смотрела не так сурово.

– Что, если я куплю дом? – осторожно предложил он. – Скажем, на берегу моря? И, конечно, назначу приличное содержание. Правда, вы очень молоды. Но все же вас можно было бы выдать за молодую вдову...

Мисс Гамильтон твердо покачала головой в знак несогласия.

– Молодых вдов – если это респектабельные женщины – берут в семьи их мужей, – произнесла она, перекатывая во рту «р» в слове «респектабельный» так, что получилось почти рычание, – или они возвращаются в свои семьи. Никто не поверит в эту чушь насчет молодой вдовы. И вы хорошо это знаете. – В ее голосе снова почувствовалось презрение. – Меня посчитают обычной доступной женщиной, и Сорча лишится будущего.

– Ну, ну, мисс Гамильтон. Вы, конечно же, сгущаете краски.

– Вы знаете, что это не так, – настаивала она. – Кроме того, Сорча заслуживает того, чтобы у нее был отец, даже если он очень далек от идеала. И если она будет незаконнорожденной, она по крайней мере будет незаконнорожденной дочкой «очень богатого джентльмена». Вы в состоянии дать ей все. Вы можете одевать ее и дать ей воспитание. И у нее останется шанс на респектабельную жизнь. – Ее глаза наполнились слезами, она вырвала у него свою руку и отвернулась. Затем с рыданием снова пошла к двери.

– Мисс Гамильтон, вы не можете так уйти! – говорил он, следуя за ней. – Подумайте о... ну подумайте хотя бы о ребенке! А что, если я позволю ей играть с ножичками? Буду добавлять настойку с опиумом в ее кашу? Или научу сдавать карты или мошенничать с налитыми свинцом костями?! Не забывайте, я очень мерзкий человек!

Мисс Гамильтон бросила на него такой взгляд, от которого его петушок мог бы сморщиться, если бы уже не превратился в жалкий комочек в самом начале этого ужасного разговора.

– Вы не смеете! – зашипела она. – Никаких шулерских костей! Это старый трюк, Маклахлан.

Аласдэр почувствовал себя посрамленным, потому что он никогда в жизни не плутовал – разве только с чужими женами. Именно вследствие этого он и попал в такой переплет. И как бы он ни хотел отречься от ребенка, гнев мисс Гамильтон был праведным. Хуже того, у него оставалось смутное ощущение, что на том балу, куда его привел Ангус, он совершил что-то нехорошее.

Он всегда был равнодушен к пышным женщинам постарше, особенно брюнеткам. И вполне возможно, он поимел одну такую на том новогоднем балу.

Господи, что же это он наговорил бедной женщине, чтобы она согласилась удовлетворить его? А дело было именно так, нет сомнения. Просто быстрое грубое совокупление. Никаких чувств. Никаких мыслей о последствиях. Господи! Что-то такое было. Он смутно помнил какие-то занавески. Тяжелые бархатные занавески, мягко касавшиеся его задницы. Противный запах старой, тронутой плесенью кожи. Или это обрывки воспоминаний о чем-то похожем, случившемся в другое время и в другом месте?

Нет, скорее всего это была библиотека. На балах и вечеринках он всегда отыскивал пустые библиотеки. Вполне возможно, он увлек эту леди Ачанолт за занавески, шепча сладкие враки ей на ушко, и просто спустил с нее штанишки – может быть, даже стоя. Он не раз проделывал это.

– Маклахлан? – До его сознания донесся голос мисс Гамильтон. – Маклахлан? Вы что, хотите сломать мне пальцы?

Он посмотрел вниз и обнаружил, что держит ее за руки. Внезапно его осенило.

– Мисс Гамильтон, почему вы должны ехать в Борнемут?

– Потому что я должна работать! – Она произнесла это самым решительным тоном. – Я совершенно без средств, Маклахлан, вы можете это понять?

– Но... но почему вы не можете просто остаться здесь?

Она отступила назад.

– Остаться здесь? С вами?

Аласдэр бросил на нее испепеляющий взгляд.

– Бога ради, мисс Гамильтон! В качестве... в качестве моей гувернантки!

Мисс Гамильтон выгнула бровь.

– У меня нет сомнений, что с вашей первой гувернанткой вас постигла неудача, – отвечала она. – Но сейчас вы выглядите вполне взрослым и закореневшим в

дурных привычках.

Аласдэр нахмурился.

– О, умоляю вас! Ради ребенка! Если – если – я позволю оставить ее, почему я не могу нанять кого-нибудь ухаживать за ней? Какая разница? И кто сможет сделать это лучше вас?

Она остановилась.

– Я... я... – Мисс Гамильтон в неуверенности заморгала. – Но это глупо. Сорче нет еще и двух лет. Ей нужна няня, а не гувернантка.

Но Аласдэр был полон решимости найти выход из трудного положения, связанного с моральным долгом.

– Кто сказал это, мисс Гамильтон? – потребовал он ответа. – Кто прописал эти правила? Разве есть неведомые мне установления о гувернантках? – Он бросил быстрый взгляд на спящую малышку. – Только посмотрите на нее. Смышленая, сразу видно. Все Маклахланы такие – ну, большинство. Мой брат Меррик в три года умел читать, считать и все такое.

– Так вы признаете, что дитя ваше? – спросила мисс Гамильтон.

Аласдэр заколебался.

– Я признаю, что в принципе это возможно, – уклончиво отвечал он. – Я должен написать в Эдинбург и навести справки, прежде чем взять на себя полную отвес... с... – По какой-то причине язык у него не поворачивался, чтобы выговорить это слово.

– Ответственность? – предположила мисс Гамильтон издевательски сладко. – Это простое слово, Маклахлан. Всего четыре слога. Я уверена, вы его освоите.

Аласдэр боялся, что она права.

– Кажется, у вас есть все качества, необходимые гувернантке, мисс Гамильтон, – парировал он. – Колючий язык и важничанье.

– Спасибо на добром слове, – отвечала она.

Он некоторое время молча рассматривал ее, кляня себя за безрассудство.

– Так что вы скажете на мое предложение? Сколько эта неожиданно свалившаяся ответственность будет мне стоить, даже если окажется временной?

Она только на мгновение заколебалась.

– Сто пятьдесят фунтов в год будет достаточно.

– Проклятие! – Он хотел выглядеть рассерженным. – Мисс Гамильтон, вы ужасная лгунья.

Она заморгала с нарочитым простодушием.

– Тогда, может быть, вы дадите мне несколько советов по этой части? Мне говорили, что учиться надо у настоящих мастеров.

Аласдэр сузил глаза.

– Послушайте, мисс Гамильтон, вымогайте у меня бо?льшую плату, если вам так нужно, но вы остаетесь или нет?

Она покусала губы и еще раз посмотрела на спящего ребенка.

– Триста фунтов в первый год с выплатой вперед, без возврата, даже если вы измените свое решение. Даже если вы измените свое решение через неделю.

Боже правый, каким дураком он будет, если согласится! Если сложить все, что он платит своим слугам, вряд ли получится столько. Аласдэр уже собрался сказать ей, чтобы она убиралась к дьяволу, но только он открыл рот, как

малышка издала пронзительный вопль. Забыв обо всем, мисс Гамильтон бросилась к дивану и отбросила одеяльца. Она торопливо взяла девочку на руки и прижала к своему плечу. Из-под облегающей головку шерстяной шапочки выбились буйные рыжеватые кудри.

– Тсс, тсс, моя маленькая, – заворковала мисс Гамильтон, ритмично похлопывая ребенка по спинке.

В ответ девочка радостно залепетала. А когда Аласдэр снова начал дышать спокойно, она оторвала головку от плеча сестры и посмотрела ему прямо в лицо. В этот миг Аласдэр почувствовал еще один сокрушительный удар в живот, от которого у него перехватило дыхание. Он схватился за кресло, боясь, что ему откажут колени.

Мисс Гамильтон обернулась.

– Что с вами, Маклахлан, вам плохо? – спросила она и поспешила к нему.

Аласдэр стряхнул с себя наваждение.

– Я в полном порядке, благодарю. – Он выпустил кресло. – Сегодня у меня был тяжелый день, вот и все.

– Должно быть, все дело в этой ужасной блямбе у вас между глаз, – обеспокоенно сказала мисс Гамильтон, снова напомнив ему Старушку Макгрегор. – У вас кровь отлила от головы. Приложите лед и ступайте в постель.

– Сначала надо уладить это щекотливое дело, – покачал головой Аласдэр. – Как я уже сказал, я буду платить вам сто пятьдесят фунтов...

– Три сотни, – напомнила она. – Вперед.

Это был грабеж, чистой воды грабеж, но у Аласдэра не было выбора.

– Ладно, – проворчал он. – И вы останетесь и будете смотреть за ребенком... Пока я не придумаю, что делать дальше.

Вдруг на его глазах личико девушки сморщилось. Это совершенно не вязалось с ее недавним воинственным поведением, но выглядело искренне.

– О Господи! – сказал он. – Что теперь?

Она судорожно вздохнула.

– Это так много значит для меня, – призналась она. – Я смирилась с мыслью, что должна буду оставить мою маленькую Сорчу, и вот теперь все обернулось по-другому! Оказывается, я совсем не готова к этому.

– Ну, для неготовой к этому вы что-то уж слишком хорошо торговались, – жалобно сказал он. – Попробовали бы встать на мое место. Полчаса назад я был свободным человеком, крепко спал и видел восхитительные сны, как вдруг в мою жизнь врывается вы и леди Сорча. Если честно, это ужасно осложняет мою жизнь.

Мисс Гамильтон не казалась очень растроганной.

– Я так полагаю – этот дом не относится к тем, которые принято называть добропорядочными, – продолжала она. – Моя репутация погибнет. С другой стороны, я не уверена, что это еще имеет для меня значение.

Аласдэр постарался выпрямиться.

– Конечно, это холостяцкий дом, – признал он. – Но, мисс Гамильтон, я не развлекаю здесь любовниц и не соблазняю служанок. И я, само собой разумеется, не веду себя легкомысленно с совсем молодыми барышнями, если вы это имеете в виду.

– Не знаю, что я имею в виду! – выпалила мисс Гамильтон, расхаживая с ребенком и похлопывая его по спинке. – Это половина беды. Я мало что знаю о жизни. И я почти ничего не знала о том, как ухаживать за ребенком, пока не умерла мамочка. Почти всю свою жизнь я прожила в маленьких шотландских деревушках. Я знаю, что есть вещи, которые не подобают леди, и почти уверена, что жить под одной крышей с вами – как раз одна из них. Но вы предложили мне остаться с моей сестренкой, и перед этим я не могу устоять.

Ее неожиданная уязвимость почему-то – он не смог бы объяснить почему – взволновала его.

– Послушайте, мисс Гамильтон, если девочка останется здесь, рано или поздно ей понадобится гувернантка, – сказал он. – Если вы достаточно опытны, чтобы быть гувернанткой, то почему бы вам не стать ею? У меня здесь нет родственников, которым я мог бы всучить ребенка. Можно было бы отослать ее в Шотландию, но если подумать о сплетнях, которые неизбежны, это последнее место, где ей стоит находиться. У вас есть идея получше?

– Нет, – сказала она слабым голосом. – Я не знаю.

– Тогда я вручаю вам ваши триста фунтов, – подытожил он, – а вы избавляете меня от проблемы. Разве это не будет справедливо?

Мисс Гамильтон шмыгнула носом.

– О, я начинаю сожалеть о своем решении, – прошептала она. – Я уже знаю это.

Вошел дворецкий с чаем. Аласдэр сделал движение, отстраняя поднос.

– Уэллингз, наши планы изменились, – сказал он. – Будьте добры, отнесите это в классную комнату.

– Классную комнату, сэр?

Аласдэр улыбнулся.

– Ну да, похоже, у меня появилась... подопечная, – отвечал он, показав на ребенка, поглядывавшего из-за плеча мисс Гамильтон. – Это... Одним словом, внезапно умерла одна дальняя родственница. Мисс Гамильтон – гувернантка девочки. – Аласдэр отвесил поклон в ее сторону. – Уэллингз отнесет ваши вещи и устроит вас на ночь. Утром он представит вас слугам. А потом мы займемся, – он неопределенно помахал рукой, – ну, всем, что требуется в таких случаях.

– И вы незамедлительно напишете в Эдинбург? – настаивала мисс Гамильтон.

– Незамедлительно, – согласился он. После этого сэр Аласдэр поручил свою новую гувернантку расторопному Уэллингзу и отправился наверх спать, уже не чувствуя себя столь безмятежно и уверенно, как раньше. Ребенок! В его доме! Он был последним из людей, кому этого хотелось. Отец. Боже милостивый! Ужасное неудобство, если выразиться предельно мягко.

Как вскоре выяснила Эсме Гамильтон, классную комнату занимал большой бильярдный стол, зеленый фетр которого почти облез от частого использования. Детская, соединенная с ней, давно была превращена в курительную, заставленную потертой кожаной мебелью и полками, изначально предназначавшимися для игрушек и книг, а в настоящее время заполненными деревянными ящиками с откидными крышками, в которых хранились, по туманному определению Уэллингза, «нумизматические коллекции сэра Аласдэра».

Эсме слишком устала, чтобы задавать вопросы, она только сморщила носик, вдохнув спертый воздух, и ходила по пятам за Уэллингзом, который больше не казался слишком высокомерным.

– А здесь, мадам, спальня, которая также соединяется с классной комнатой, – сказал он. – Она вас устроит?

Эсме положила Сорчу на кровать и огляделась. Комната была небольшой, но с высокими потолками и достаточно просторная.

– Спасибо, – спокойно поблагодарила она. – Здесь мило. Не думаю, что у вас найдется детская кроватка или колыбель.

– Боюсь, нет, мадам.

Но он помог Эсме поставить между двумя креслами рядом с кроватью большой ящик из комода.

За недели, прошедшие после смерти матери, она привыкла обходиться своими силами. Отчасти поэтому она пришла к мысли, что у Сорчи должен быть настоящий дом. И ей нужен хороший родитель. Эсме не была уверена, что отвечает требованиям, предъявленным к хорошим родителям. Но бесстыжий хозяин дома еще меньше годился на эту роль.

Уэллингз принес горячей воды и, многословно извинившись за то, что постель не была должным образом проветрена, пожелал Эсме покойной ночи и прикрыл за собой дверь. Эсме подошла к двери и повернула ключ. Смешанное чувство облегчения и печали охватило ее. Мать лежала в могиле. Любимая Шотландия была далеко.

Но сегодня ночью они были в безопасности. На эту ночь у них есть хорошая кровать, а утром они могут рассчитывать на хороший завтрак. Казалось бы, так мало. Но теперь эту малость трудно было переоценить.

О, как ей хотелось быть старше и мудрее – особенно старше. Через восемь лет она сможет получить дедушкино наследство – довольно большое, как ей представлялось. Но восемь лет – большой срок. Сорче почти исполнится десять. А до тех пор их жизнь будет зависеть от сообразительности Эсме, ее ума, если он вообще у нее есть. Как было бы хорошо, если бы возвратилась тетя Ровена!

Эсме вернулась к Сорче. Малышка спокойно спала. Эсме села на кровать, силясь не заплакать. У нее не было опыта ухода за детьми. И ей, конечно же, не следует жить в этом доме. Как ни мало разбиралась Эсме в таких вопросах, это она понимала.

Сэр Аласдэр Маклахлан оказался еще хуже, чем она ожидала. Он был не просто закоренелым распутником, он еще и не находил в этом ничего предосудительного. И он оказался удивительно красивым, слишком красивым, чтобы это пошло ему на пользу, – на беду женщин. Даже когда он сердился, в его глазах стоял смех, словно он ничего не принимал всерьез, а его волосы, пусть растрепанные, скрутились в золотые локоны и блестели в свете лампы.

Когда он поцеловал ей руку, странное ощущение появилось у нее где-то в животе. Наверное, так и бывает, все так и переворачивается внутри, когда тебя целует опытный развратник, решила она. Хуже всего было то, что он так и не вспомнил мамочку. Боже, как неудобно ей было! Но Эсме оставила свою гордость в шестистах милях отсюда, и она боялась, что дальше будет еще хуже.

Смертельно уставшая, но возбужденная, она вернулась в курительную комнату, освещенную единственным канделябром, от неверного света которого на стены и полки ложились изменчивые тени. Она легла на издававший виды старый диван и сразу же почувствовала теплый, уже знакомый запах. Маклахлан. Ошибиться

было невозможно. Потом она заметила куртку, небрежно брошенную на кресло. Чтобы отвлечься от дразнящего ее ноздри запаха, она взяла одну из книг, небрежно сложенных на чайном столике, – красивую книгу в кожаном переплете.

Мелкими золотыми буквами на корешке было написано: «Аналитическая теория вероятностей» и указан автор – Лаплас. Эсме открыла ее, попыталась прочитать что-нибудь со своим плохим французским и убедилась, что излагаемая теория, имевшая какое-то отношение к математике, совершенно недоступна ее пониманию. И Маклахлану тоже, решила она. Может быть, он держит здесь эту книгу, чтобы пускать пыль в глаза? Но когда она осмотрела неопрятную, запущенную комнату, то отбросила эту мысль. Нет, хозяин не стремился продемонстрировать здесь свою образованность и утонченность.

Движимая любопытством, Эсме взяла другую книгу. Она была, несомненно, очень старой, коричневый кожаный переплет книги сильно потрескался. Книга какого-то Гюйгенса, название которой она вообще не смогла прочитать, потому что книга была на незнакомом ей языке. И снова в ней оказалось много цифр и математических формул.

Что бы это значило? Эсме продолжила свои изыскания. Под шестью другими такими же книгами обнаружилась стопка бумаги, испещренная непонятными знаками и цифрами. Хаотичные записи вызывали мысль о блуждании больного ума, что соответствовало ее впечатлению от Маклахлана. Бесконечные дроби, десятичные точки и непонятные тексты вызвали у нее головную боль. Эсме сложила книги, задула свечу и вернулась к Сорче.

При виде безмятежного и счастливого детского личика ей стало легче. Да, она согласилась на предложение Маклахлана. Что еще она могла сделать? Оставить Сорчу, чтобы сохранить свое доброе имя? Но хорошая репутация не накормит. На ней нельзя спать, и она не может служить крышей над головой. А кто еще предложил бы им дом, где они могут оставаться вместе?

Маклахлан может быть гулякой и негодяем, он скорее всего бездельник и эгоист, но он не жестокий человек. Это удивило ее. По опыту она знала, что самые красивые мужчины часто оказывались самыми жестокими. Разве лорд Ачанолт не был тому примером?

Ее взгляд медленно скользил по комнате, отмечая золотистый шелк обоев и высокие узкие окна с богатыми занавесями. Комната была меньше, чем те, к которым она привыкла в Шотландии, но гораздо красивее. Просто чудо, что Маклахлан не выбросил ее на улицу. Она ожидала такого исхода, и это придало ей решимости. Ведь именно так поступил ее отчим. На какой-то миг гнев перевесил горе. От Ачанолта она ожидала самого худшего. Но ее мать? Как она могла умереть и оставить их на милость этого человека? Раздеваясь, Эсме заметила на каминной полке часы из золоченой бронзы. Они показывали половину второго. Карета в Борнемут отправляется в пять часов. Если она передумает, в ее распоряжении только сегодняшняя ночь. Ей должно оставаться молоденькой девушкой из Шотландии, чья жизнь вполне согласуется с правилами приличия; и она понимала, что после пребывания в этом доме под одной крышей с человеком такой репутации, как Маклахлан, ее не возьмут в гувернантки ни в один порядочный дом. Хуже того, даже в домашней одежде он был очень хорош собой. Опасно хорош собой. Эсме он не нравился, нет. Но в ее жилах текла кровь ее матери, а это тоже представляло опасность.

Но, несмотря на ее страхи, на странную смесь печали и гнева при мысли о смерти матери, в сердце Эсме поселилась робкая надежда. Медленно умываясь теплой водой, принесенной Уэллингзом, Эсме позволила себе подумать о том хорошем, что произошло. Он намеревался сделать это. Маклахлан согласился дать Сорче настоящий дом. Одна мысль об этом удивляла ее. Эсме отдавала себе отчет, что на самом деле она проделала долгий путь в Лондон, никак не ожидая успеха своего предприятия.

Конечно, Маклахлан не даст Сорче любви, думала она, натягивая через голову ночную рубашку. Он не станет по-настоящему воспитывать ребенка. Он не станет ей отцом в полном смысле этого слова. Но он не собирается выгнать ее, а Эсме научилась не желать многого и радоваться даже самой маленькой победе.

В это время Сорча закрутилась, дрыгнула левой ножкой и сбросила с себя одеяльца. Эсме подошла к импровизированной колыбели и склонилась над ней, укрывая малышку. К ее удивлению, Сорча не спала. При виде Эсме она широко раскрыла свои удивительные синие глаза, засмеялась воркующим, булькающим смехом и сложила ручки.

Эсме взяла крошечные ручки девочки в свои ладони и почувствовала, как теплые детские пальчики крепко обхватили ее указательные пальцы.

– Тебе хорошо сейчас, моя маленькая веселая девочка? – спросила Эсме, прижимая к губам и целуя крошечный кулачок. – Ты знаешь, несмотря ни на что, у тебя может появиться свой дом.

– Да, Мей, – согласилась Сорча, и ее взгляд снова стал сонным. – Ма, ма, ма.

Глава 2,

в которой мистер Хоз выпускает кота из мешка

– Боже милостивый! И что ты сделал? – Меррик Маклахлан перегнулся через стол, за которым они завтракали, в упор глядя на брата.

– Сказал ей, что она может остаться, – повторил Аласдэр. – Было поздно, бушевала гроза. Что еще мне было делать?

– Сказать ей, чтобы собирала вещички, – посоветовал Куин, хотя его рот был набит кусками почек. – Аласдэр, это очень старый трюк. Не могу поверить, что ты попался на него.

Меррик в негодовании отодвинулся от стола вместе со стулом.

– Должно быть, это все из-за вчерашнего удара по голове, – сказал он, направляясь к буфету, чтобы налить себе еще кофе. – Какая-то девка явилась к тебе с младенцем на руках, сказала тебе, что он твой, и ты сразу поверил ей?

– Она не девка, Меррик. Она совсем молоденькая девчушка. – Аласдэр порадовался, что не упомянул о трехстах фунтах, которые выманила у него мисс Гамильтон. Он бездумно оглядывал свою превосходно устроенную столовую и гадал, есть ли правда в словах брата. Может быть, он в самом деле немного спятил? Еще ему представлялось, что при свете дня все исчезнет как сон. Увы, этого не случилось...

– Ты собираешься все это съесть? – спросил Куин, указывая на все растущую горку копченой рыбы, которую Аласдэр механически продолжал накладывать на

тарелку.

– Забирай себе, пожалуйста, – несколько запоздало предложил Аласдэр, потому что Куин уже переложил половину рыбы на свою тарелку. – Хотя как ты можешь есть после вчерашнего, не понимаю.

– У меня железный желудок, – заявил Куин, управляясь с яйцами. – Аласдэр, ты становишься мягкотелым. Можно еще кофе, Меррик?

Меррик наполнил чашку Куина и вернулся на свой стул.

– Аласдэр, что ты сказал слугам? – требовательно спросил он. – Дом, наверное, уже жужжит от сплетен.

– Моих слуг трудно шокировать, – невозмутимо отвечал хозяин. – Я сказал Уэллингзу, что ребенок передан мне под опеку, и он поверил. Особенно если принять во внимание, что мисс Гамильтон явно шотландка и похожа скорее на мою дочку, чем на ловкую девку.

– Но, Аласдэр, – начал Куин, – кто-нибудь мог припомнить, что ты ездил в Шотландию, и сделать соответствующие выводы. Ты редко бываешь там.

Аласдэр повернулся к нему.

– Очень редко, – согласился он. – За последние три года я был дома только один раз. Но в тот год, если ты помнишь, мы с тобой провели охотничий сезон в Нортумбрии, в охотничьем домике лорда Девеллина.

– Да, помню, – сказал Куин.

– И мы собирались пробыть там все праздники, – продолжил Аласдэр. – Но когда ты и Дев подцепили тех двух француженок в Ньюкасле, я оказался, так сказать, не у дел.

– Мы предлагали тебе присоединиться, – проворчал Куин.

Аласдэр покачал головой.

– Мне пришло в голову поехать домой, – сказал он, – раз уж я был менее чем на полдороге к нему. И у меня не было с собой слуги.

– Что ты хочешь этим сказать? – рявкнул Меррик.

– Никто, кроме Куина и Девеллина, не мог бы вспомнить, что я тогда был в Шотландии.

– Я все же скажу, что ты должен отделаться от нее, Аласдэр, – предостерег его брат. – Пока ты еще не принял на себя ответственность, а если и так, все равно эта маленькая плутовка ничего не сможет сделать.

– Видит Бог, Меррик, мне совсем не по душе, что в доме появился ребенок, – мрачно произнес Аласдэр. – Но будь я проклят, если малышке придется голодать из-за меня. Я слишком хорошо помню, что такое чувствовать себя нежеланным ребенком.

– Отец был строг, – сказал Меррик, – но мы никогда не голодали.

– Говори за себя, – запальчиво оборвал его брат. – Голод бывает разным.

– Ну, лучше всего до выяснения всех обстоятельств отправить ее в гостиницу, – вмешался Куин, похоже, из желания предотвратить ссору.

Аласдэр покачал головой.

– Не могу, – признался он. – Малышка едва начала ходить, а мисс Гамильтон сама почти дитя. Она показалась мне наивной и мягкосердечной. Я даже сомневаюсь, была ли она когда-нибудь за всю свою жизнь южнее Инвернесса.

– Веселенькая история, – сказал Меррик. – Ты будешь дураком, если не пошлешь маленькую шлюшку с ребенком собирать вещи. Кроме того, дядюшка Ангус ничего не сможет тебе рассказать. В апреле его корабль ушел в Малакку.

– Неужели? Я совсем забыл, – заволновался Аласдэр.

– Какое это имеет значение? – с вызовом сказал Меррик. – Он скорее всего сказал бы тебе, что эта леди Ачанолт ненамного лучше обычной шлюхи и что они не могут доказать, что ребенок твой.

Аласдэр отодвинул тарелку.

– В этом, дорогой братец, ты можешь ошибаться, – парировал он. – Ваше отношение начинает меня возмущать.

В порыве негодования он позвонил, вызывая лакея, но в комнату вошел сам дворецкий.

– Да, сэр?

– Мисс Гамильтон уже проснулась, Уэллингз?

Дворецкий сделал большие глаза.

– Конечно, сэр, – отвечал он. – Она поднялась до зари и попросила лист почтовой бумаги.

– Почтовой бумаги? – повторил Аласдэр.

Уэллингз кивнул.

– Она написала письмо и попросила непременно сегодня отправить его с первой почтовой каретой в Борнемут. Я полагаю, сейчас она в классной.

А-а... да. Отказ от места у полковника в Борнемуте. То есть она на самом деле остается. Аласдэр откинулся в кресле.

– Будь добр, проводи ее сюда, – сказал он. – И скажи, чтобы она пришла с ребенком.

В столовой воцарилось натянутое молчание. Но очень скоро в дверь тихонько постучали. Мисс Гамильтон вошла в комнату – и показалась Аласдэру еще

меньше, чем при первой встрече. Половину ее красиво вылепленного лица занимали излучающие свет зеленые глазищи. Сегодня она была в коричневом шерстяном платье, которое, как ни странно, не выглядело некрасиво-тусклым, а, напротив, смотрелось элегантно. Коричневый оттенок прекрасно сочетался с цветом ее волос, которые она слегка закрутила. Такое сочетание подчеркивало нежность кожи цвета слоновой кости, и Аласдэр только сейчас заметил, что девушка совсем не была простушкой. Она обладала хрупкой, утонченной красотой – красотой женщины, а не девочки. Это открытие немного обескуражило его.

– Проходите, мисс Гамильтон, – вымолвил он, вставая.

Она неловко присела и прошла с девочкой дальше. На этот раз малышка была одета в кружевное платье поверх панталончиков, собранных на лодыжках голубыми лентами. Она смело шагала впереди, показывая на что-то за окном и фыркая от смеха.

– Мисс Гамильтон, мой брат Меррик Маклахлан, – сказал Аласдэр. – А это граф Уинвуд. Они пожелали увидеть девочку. Не могли бы вы показать ее моему брату?

Мисс Гамильтон было явно не по себе, она смутилась, но послушно обошла вокруг стола и подвела девочку к Меррику. Меррик удивил всех, опустившись перед малышкой на колени, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Скажите, пожалуйста, сколько ей сейчас? – потребовал он.

– В октябре будет два года, – ответила мисс Гамильтон и принялась нервно тереть нитку жемчуга на шее. Аласдэр заметил у нее такую привычку, но в треволнениях прошедшей ночи не придавал ей значения.

Меррик продолжал изучать личико ребенка. Девочка в ответ стала щуриться и положила ручку на его колено, как бы собираясь вскарабкаться на него.

– Дай... – сказала она и протянула пухлые пальчики к цепочке часов Меррика. – Класивая. Дай.

Покраснев, мисс Гамильтон забыла про свое ожерелье и заторопилась забрать девочку.

– Нет, нет! – вопила Сорча, барахтаясь в ее руках. – Дай мне! Это!

– Тихо, – увещевала ее мисс Гамильтон, прижимая к себе. – Будь хорошей девочкой.

Меррик встал и посмотрел на брата.

– Я подумал, ты хочешь, чтобы я увидел глаза малышки, – холодно сказал он.

– Так и есть, – признал Аласдэр.

– Это ничего не доказывает, – сказал Меррик.

– Разве? – спросил Аласдэр. – А где был ты, дорогой братец, два года назад под Новый год?

– Аласдэр, не будь таким дураком, – запротестовал его брат. – Это никак не мое.

– Конечно, глаза у нее чертовски необычного цвета, – заметил Куин. – От всего этого немного не по себе, если вспомнить вчерашнюю цыганку.

– Мы поговорим об этом в другой раз, – сказал Меррик, по-прежнему глядя на Аласдэра.

– Нет, давайте поговорим сейчас, – возразил Аласдэр. – У нее глаза Макгрегоров, ведь так? Холодные, цвета голубого льда.

– Голубые глаза не бог весть какая редкость, – заметил Меррик. – Это может быть чей угодно ребенок.

– Конечно, – хмыкнул Аласдэр. – Но именно такой оттенок встречается чрезвычайно редко.

– Поосторожнее, старина, – сказал Куин, бросая озабоченный взгляд на мисс Гамильтон.

Но Аласдэр не отставал от брата.

– Меррик, не будь ослом, – горячился он. – Я совсем не хочу брать на себя ответственность за ребенка неизвестно от кого, если учесть, что я едва помню, как затащил ее в постель, но...

– Ах, теперь постель? – возмущенно выпалила мисс Гамильтон. – А помнится, сэр, я слышала, что постели не было вовсе, что вы наскоро получили удовольствие за занавесками во время развеселой встречи Нового года!

Меррик и Куин открыли рты.

– Мисс Гамильтон! – начал Аласдэр. – Я попросил бы вас!

Она крепче ухватила девочку.

– Нет уж, я наслушалась достаточно вздора от всех троих!

Из нежно-кремового ее лицо стало ярко-розовым, она дрожала от негодования.

– У вас свинские манеры. Сорча не «это», как вы изволили выразиться. Она ваша дочь, и у нее есть имя. И я буду вам благодарна, если вы будете использовать его – все вы. – Тут она повернулась к Меррику: – А вы, мистер Маклахлан! Мне все равно, что вы думаете! Будьте уверены – Сорча не ваш ребенок! Даже мою мать, какой бы восторженной дурочкой она ни была, не мог бы соблазнить такой скудоумный мерзавец, у которого ни на грош обаяния.

С этими словами мисс Гамильтон развернулась и пошла из комнаты со всей грацией, на которую оказалась способна, если учесть, что на руках она держала ребенка. Однако леди Сорча не хотела уходить. Она изо всех сил вырывалась, сжимала и разжимала кулачок, тянула его к Меррику.

– Нет, Мей, нуууу! – визжала она, извиваясь. – Дай цеп! Дай!

Как только они скрылись из виду, Куин рухнул в свое кресло и зашелся в приступе смеха.

– Я рад, что тебе так весело, – повернулся к нему Аласдэр.

– Ох, да она такая молоденькая! – Куин никак не мог остановиться. – Такая наивная! Просто воробышек, а не девушка! Ну, Аласдэр, теперь ты попался.

– Что ты имеешь в виду, черт возьми?

– Мало того, что тебе наговорила цыганка, у тебя в доме появилась красotka – тоже очень хорошенькая, особенно когда краснеет. Старина, я начинаю думать, что ты не только потерял аппетит, но и ослеп.

Эсме почти бежала через дом, не замечая прекрасных ковров и изящества лестниц, крепко прижимая к себе Сорчу. Боже милосердный! Почему она не придержала язык? По крайней мере ее сундук не распакован. Не придется тратить время и силы, прежде чем они снова окажутся на улице.

Вот и детская. Она ринулась в дверь и оказалась лицом к лицу с одним из лакеев. Старая кожаная мебель исчезла, служанки снимали с полок и уносили последние ящики.

– Простите, мадам, – чопорно произнесла одна из них. – Уэллингз сказал, что сэр Аласдэр хочет очистить комнату.

«Очистить» – подходящее слово, подумала Эсме, оглядывая комнату. В ней не осталось ничего, кроме раскладного стола и двух деревянных кресел. Исчез даже застоявшийся запах табака.

– Спасибо, – сказала она лакею. – Но найдется ли более подходящая мебель?

– Что именно? – раздался низкий, рокошущий голос сзади.

Эсме обернулась и увидела входящего в комнату сэра Аласдэра Маклахлана.

– Я... я... Прошу прощения.

– Что вам понадобится, мисс Гамильтон? – Его тон смягчился. – Я пошлю Уэллингза все уладить.

Напуганная Эсме не знала, что и думать.

– Ну, стол для занятий, я думаю, – отвечала она, опуская девочку, которая сразу направилась к игрушкам.

– Хорошо, дальше. Какой это должен быть стол?

Он не собирается выдворить их на улицу?

– Что-нибудь низкое, чтобы Сорче было удобно? – предположила она. – И маленькие стульчики? И... может быть, детская кроватка?

Маклахлан улыбнулся, отчего его карие глаза потеплели.

– Мисс Гамильтон, вы высказываете свои предложения в форме вопроса. Это очень не похоже на вас. И Сорче, конечно, нужны не только стол и кроватка?

– Почему же, я... я – конечно, – сказала Эсме, проклиная свою тупость. Что нужно ребенку? Она только недавно научилась кормить сестренку. Остерегать от огня. Укладывать спать и убаюкивать – ну, последнее ей удавалось не всегда.

– Может быть, высокое кресло и кресло-качалка? – продолжила она, стараясь вспомнить, что стояло в детской в доме лорда Ачанолта. – И одна из этих маленьких повозок, с которыми гуляют в парке?

– А, да, детская коляска! – сказал он. – И, наверное, ковер побольше, потолще? На случай, если она разойдется?

Эсме почувствовала, что снова краснеет.

– Она подвижная девочка, да.

Маклахлан снова насмешливо улыбнулся своей слишком очаровательной улыбкой.

– Ну вот, правда выходит наружу, моя дорогая? – продолжал он. – Что вы говорили прошлой ночью? Ах да! Хороший, спокойный ребенок! Нисколько не беспокоит вас, клянусь!

Эсме смотрела в сторону.

– Это все дорого, я уверена. И... перемены в ее жизни.

Улыбка стала мягче.

– Скаковая лошадь лучше ломовой, так?

Лакей вышел, унося последний ящик, и осторожно прикрыл за собой дверь. Маклахлан прошел в глубь комнаты. Остановился у окон и смотрел вниз, на улицу.

– Я вам не очень-то нравлюсь, мисс Гамильтон? – наконец сказал он. – Конечно, вам ничто не грозит, если скажете, что я вам противен.

Эсме открыла рот и снова закрыла его. Помолчала.

– Я... я прошу прощения за то, как я вела себя раньше, – прошептала она.

Он издал странный звук. Подавил смех?

– У вас ужасный характер, – выдавил он. – Я не уверен, что Меррик сможет когда-нибудь оправиться от этого.

– Не знаю, что это нашло на меня.

Маклахлан повернулся, чтобы видеть ее.

– Мы вели себя скверно, – признал он. – Никто из нас по натуре не груб, уверяю вас. А Куин на самом деле очень добрый. Просто ситуация сложилась непростая. Даже вы должны согласиться, что все это выглядит очень странно.

– Странно? – спросила Эсме. – Из того, что я видела в жизни, меня больше удивляет, что такое случается гораздо реже, чем могло бы.

– Возможно, ваша жизнь сложилась не совсем обычно, мисс Гамильтон.

Сорча потянула Эсме за юбку:

– Мей, ними!

Эсме наклонилась и увидела, что малышка пытается снять с куклы платье.

– Сначала нужно расстегнуть крючок, моя прелесть, – сказала она, становясь на колени, чтобы показать ребенку, как это делается. – Вот так.

После того как цель, к удовлетворению Сорчи, была достигнута, девочка снова направилась к игрушкам, которые Эсме разложила на маленьком коврик у опустевших книжных полок. Маклахлан, казалось, не вызывал у нее интереса. И это было хорошо.

– Как она зовет вас? – полюбопытствовал он.

Эсме пожала плечами.

– Мей или что-то вроде этого. Она еще не может выговорить Эсме.

Маклахлан наблюдал за Сорчей с тем интересом, с каким, наверное, натуралист изучает новую разновидность жука. Глядя на его чеканный профиль, Эсме снова поразились, какой он красивый. Но уже были заметны следы беспутного образа жизни – складки у рта, припухлости под глазами. Он был на пути к превращению в истосковавшегося распутника. Такие циничные мысли пришли ей в голову прошлой ночью, когда она невольно оценивала его как противника.

Но странно, сейчас он вовсе не казался противником. Похоже, он тоже был смущен. И было отчего. Внезапная смерть матери повергла в хаос и ее, и его жизни. Всему, что она знала об уходе за детьми, она научилась совсем недавно и за короткое время. Собственная неопытность пугала ее.

Вдруг Эсме заметила, что Сорча поднесла руку ко рту. Она уже знала – это не предвещает ничего хорошего. Она ахнула, бросилась к ребенку и сказала что-то непонятное.

Вслед за ней к девочке устремился и Маклахлан. Когда она схватила ребенка, он вынул из влажных пальчиков Сорчи что-то блестящее.

– Не-ет! – завопила Сорча. – Дай мне! Мне!

– Ну и ну, – бормотал Маклахлан, рассматривая блестящий предмет. – Мой пропавший римский солид.

– Что это? – Эсме перегнулась через голову Сорчи, чтобы увидеть находку. – А, старая монетка?

– И в самом деле очень, очень старая, – согласился Маклахлан, пряча ее. Эсме выпустила хныкающую девочку. Мельком взглянув на Маклахлана, Сорча вернулась к своей кукле.

– Что вы ей сказали? – спросил он Эсме. – Что-то насчет ее губ?

– Ее рта, – нахмурилась Эсме. – «Все в рот». Это старое выражение. А вы, Маклахлан, совсем не знаете гэльского?

Он пожал плечами.

– Раньше немного знал. – Он наклонился и неловко погладил Сорчу по головке, как щеночка. Все же это была попытка проявления чувств, решила Эсме.

– Эсме, – произнес он, взглянув на нее. – Несколько необычное имя, ведь так?

– Да, моя мать отличалась эксцентричностью и восторженностью.

– Насколько я понял, – сказал Маклахлан, уводя ее подальше от Сорчи, – ваш отчим – очень жестокий человек. Как восторженная женщина могла вступить в столь неудачный брак?

Эсме вопрос показался странным.

– Моя мать считалась исключительной красавицей, – объяснила она. – А Ачанолт коллекционировал красивые вещи.

– А, понимаю.

Эсме, непонятно почему, продолжала:

– Вначале мама думала, это так романтично – ее добивается богатый джентльмен гораздо старше ее. Она слишком поздно поняла, что для него важно обладание, ничего больше.

– Он не любил ее?

Эсме посмотрела на него как-то странно.

– Мне кажется, он слишком любил ее, – продолжила она наконец. – Той всепоглощающей любовью, которая превращается в жестокость, если встречает сопротивление.

– А она сопротивлялась ему? – удивился Аласдэр.

– Мне кажется, ей нравилось заставлять его ревновать, – призналась Эсме. – Иногда даже злить.

– Почему?

Она пожала плечами.

– После того как они поженились, он перестал оказывать ей прежнее внимание. Он не исполнял ее прихоти, не искал расположения, наверное, потому, что она

уже стала его собственностью. К несчастью, мамочка восприняла это как вызов. Дела пошли все хуже и хуже.

– А вы оказались между ними, – задумчиво подытожил он. – Вряд ли это было приятно.

Она уставилась в пол.

– Вам не надо думать обо мне, Маклахлан, – сказала она. – Вам надо заботиться о малышке Сорче.

Маклахлан, поколебавшись, спросил:

– Скажите мне, девочка – Сорча – понимает ли она? Осознает ли, что ее мамы больше нет?

Эсме медленно кивнула.

– Да, до какой-то степени. С тех пор как мы покинули Шотландию, Сорча ни разу не спросила о маме. – Она какое-то время колебалась, потом добавила: – Так вы признаете, сэр, что Сорча ваша дочь? Из того, что я слышала в столовой, я пришла к выводу, что да.

Он удивил ее тем, что направился в угол, где играла Сорча, и присел рядом. Девочка подняла на него глаза и засмеялась, протягивая ему голую куклу.

– Кукла, видишь? – прошептала она. – Мей дала. Видишь? Видишь?

– Да, вижу, – согласился он. – Красивая кукла. Мы снова наденем ей платье?

– Снов денем, – повторила Сорча.

Он взял кукольное платье и, действуя методично, начал надевать его. Когда он продел в рукава ручки куклы, малышка снова засмеялась и принялась отталкивать его пальцы, чтобы самой застегнуть крошечный крючок.

– Можно я? – сказала Эсме. – Боюсь, что, не имея опыта, застегнуть эти маленькие крюпочки непросто.

Маклахлан глянул на нее снизу вверх и поднял бровь.

– Могу только сказать, что у меня есть опыт исключительно по их расстегиванию.

Эсме еще не нашлась, что сказать на это, когда Маклахлан вернул куклу Сорче. Он взял Эсме за подбородок и повернул ее лицом к себе.

– Мисс Гамильтон, вы видели моего брата, Меррика? – в раздумье спросил он.

– Да, его трудно не заметить.

Маклахлан ущипнул Сорчу за носик, постоял и снова повернулся к Эсме.

– Но вы действительно рассмотрели его? – настаивал он. – Он, видите ли, похож на родственников со стороны матери.

– Вы сказали, что у него глаза Макгрегоров, – согласилась она. – Но я не очень всматривалась.

Теперь он стоял прямо перед ней. Совсем близко. Слишком близко.

– Откровенно говоря, в них есть нечто, внушающее тревожное чувство, – сказал Маклахлан, слегка подавшись к ней. – Как у волка, наблюдающего за вами из лесной чащи. Они холодные как лед. Неподвижные и бесстрастные. – Она чувствовала тепло, исходящее от его тела. – А у вас, мисс Гамильтон, глаза тоже красивые, но необычными их не назовешь, – продолжал он. – Они прохладного зеленого цвета, нефритовые, с маленькими коричневыми крапинками, которые нельзя заметить, если не подойти совсем близко.

Эсме сделала шаг назад.

– Не будьте нелепым.

– Ничем не могу помочь, – сказал он. – Жизнь часто нелепа. Теперь, мисс Гамильтон, взгляните в мои глаза и скажите, что вы видите.

– В ваши глаза? – язвительно повторила она. – Глаза как глаза. – Боже, ну и лгунья же она. Его глаза были цвета виски, пронизанного солнечными лучами, прекрасные, в золотистых искорках, с черным ободком, обрамленные темными ресницами, которые могли бы посоперничать с ее собственными. – Почему вы это спрашиваете? У вас есть какая-то мысль?

Неожиданно он улыбнулся, и неловкость исчезла.

– Не совсем, – признался он. – Может быть, я напрашивался на комплимент.

– У вас карие глаза, – сказала она ровным голосом. – Красивого оттенка, да, но, как вы выразились, ничего необычного.

– Конечно, мисс Гамильтон. – Он задумчиво улыбнулся. – Мои глаза не имеют ничего общего с глазами маленькой Сорчи, и все же...

– И все же что?

Он покачал головой и отвел взгляд.

– Это не может быть простое совпадение, ведь так? – сказал он неожиданно тихим голосом. – Я ни у кого не видел таких глаз, кроме как у моего деда и Меррика.

Ужасная мысль пришла ей в голову.

– Вы ведь не думаете, что... что ваш брат?..

Маклахлан откинул назад голову и засмеялся.

– О Боже, нет! – со смехом воскликнул он. – Мой брат едва ли выезжал из Лондона последние десять лет. Он редко встает из-за своего стола. И, как вы справедливо заметили, он никогда не стал бы утруждать себя, стараясь соблазнить женщину. Его не прельщает бегать за юбками, как некоторых из нас,

более слабых смертных. Если ему нужна женщина, я думаю, он просто платит за это.

У Эсме вырвался звук, свидетельствующий о раздражении.

– Думайте, что вы говорите, здесь ребенок!

Он утратил часть своего великолепия.

– Примите мои извинения, мисс Гамильтон, – заторопился он. – Мне трудно избавиться от дурных привычек. И я забыл, что вы сами еще почти ребенок.

– Ох, Маклахлан! – Она посмотрела на него с упреком. – Мне двадцать два года.

– Неужели? Не могу поверить. – На его лице отразилось глубокое удивление.

– Да. А чувствую я себя сорокалетней.

Он чуть заметно улыбнулся.

– Ну, мне совсем недалеко до сорока, и я даже не помню, как чувствуешь себя в двадцать два года. – Он повернулся, собираясь уходить. – Если у нее есть все необходимое, я пойду.

Эсме развела руками.

– Я не совсем хорошо себе это представляю.

Он снова улыбнулся, на этот раз улыбка добралась до его глаз цвета виски с золотом, в углах которых появились морщинки.

– У нее есть игрушки, кроме тех, которые я здесь вижу? – спросил он, склоняясь над Сорчей. – Может быть, нужны лошадка-качалка и какие-нибудь книжки?

Эсме закивала.

– Конечно, книжки и игрушки очень быгодились, – призналась она. – Большую часть наших вещей нам пришлось оставить.

Маклахлан кивнул. Чувство близости исчезло. Он отошел от нее и отдалился внутренне. Хорошо. Это хорошо. Она может расслабиться.

– Меня не будет до позднего вечера, – сказал он. – Может быть... даже дольше. Но Уэллингз отправится на Стрэнд и купит все для вас. Если вы надумаете еще что-нибудь, я включу это в список, который передам ему.

– Спасибо, – сказала она, провожая его до дверей.

На пороге он внезапно остановился.

– Кстати, чуть не забыл. – Он полез в карман, вынул пухлый сверток в белой бумаге и вложил ей в руку. – Триста фунтов. Вперед. Я подумал, что как истинная твердокаменная шотландка вы предпочтете наличные.

Его рука была теплой и странно успокаивающей.

– Благодарю вас, – сказала она.

Он медленно отнял руку, и ощущение тепла исчезло.

– Теперь скажите мне, мисс Гамильтон, это ваш страховой полис? – спросил он спокойно. – На случай, если я изменю свое решение принять Сорчу?

Она опустила глаза и молчала. Значит, он угадал.

Он распахнул дверь, помедлил.

– Ну, они вам не понадобятся. Хотя уверен – только время убедит вас в этом.

И с этими словами сэр Аласдэр Маклахлан вышел.

Аласдэр покинул дом, как только было отправлено его письмо дядюшке Ангусу. Однако он предусмотрительно распорядился прислать вечерний костюм в дом своей подруги Джулии, потому что вечером он должен был сопровождать ее в театр и не предполагал перед тем побывать дома.

Направляясь пешком в свой клуб, он тешил себя мыслями о том, что просто переедет к Джулии и оставит свой дом на Грейт-Куин-стрит вторгнувшимся в него женщинам. Но это было невозможно. За новой гувернанткой нужно присматривать, да и Джулия не была дурочкой, его переезд ей ни к чему. Более того, дом на Бедфорд-плейс ей не принадлежал. Он принадлежал ее подруге, Сидони Сент-Годард, которая недавно вышла замуж за маркиза Девеллина. Джулия потеряла лучшую подругу, соблазненную звоном свадебных колоколов, а Аласдэр – друга. Отчасти это и свело их.

Аласдэр поднял глаза, стараясь увидеть впереди Сент-Джеймский парк. День выдался на редкость солнечный, и из соседних домов высыпали все няни, хлопали на ветру жесткие белые фартуки, выстроились детские коляски. Он решил пересечь парк по самому короткому пути, но едва прошел половину, как прямо перед ним на дорожку выбежала маленькая девочка – кудряшки на ее голове подпрыгивали, глаза были устремлены на игрушку, которую она тащила за собой на веревочке.

– Стоп, – сказал Аласдэр, резко останавливаясь.

От неожиданности девочка чуть не споткнулась, но расторопная служанка бросилась к ней и подхватила на руки.

– Ради Бога, извините, сэр, – произнесла она, покраснев. – Ребенок не видел, куда идет.

Испуганная девочка прижала к себе игрушку и спрятала лицо, уткнувшись в нянькину шею. Это было так просто и трогательно.

– Все в порядке, мэм, – произнес он, снимая шляпу. – Никакого неудобства. А как зовут вашу девочку?

Глаза няньки расширились от удивления.

– Как? Ее зовут Пенелопа, сэр.

Аласдэр заглянул за нянькино плечо.

– Привет, Пенелопа. Что это у тебя? Собачка?

– Лошадка, – неохотно отвечала девочка. – Коричневая лошадка.

– У нее есть имя?

– Аполло, – сказала девочка.

Бедная нянька выглядела напуганной. Она явно не привыкла разговаривать в парке с неженатыми и бездетными, судя по их виду, джентльменами. То есть самое время было обезоружить ее ангельской улыбкой. Аласдэр лучезарно улыбнулся, и глаза няньки подобрели.

Чувствуя себя снова на своем коньке, Аласдэр пустил в ход обаяние.

– Какой очаровательный ребенок, – сказал он. – И видно, что обожает вас. Она так трогательно прикинула к вам. Вы давно в нянях у девочки?

– Ну, с самого ее рождения, – отвечала нянька. – А до нее я нянчила ее братца.

Она все отодвигалась, как бы намереваясь уйти. Пенелопа начала вырываться, и нянька опустила ее на землю.

– Нам пора, сэр, – сказала она. – Еще раз извините.

Полностью оправившись, Пенелопа побежала вперед, ее лошадка весело кувыркалась сзади.

– Нам по пути, – сказал Аласдэр. – Можно, я немного пройду с вами?

Она неуверенно посмотрела на него.

– Да, сэр. Конечно.

– Я очень мало знаю о детях, – признался он, подстраиваясь под шажки маленькой Пенелопы. – Сколько лет вашей подопечной, мэм?

– Ну, ей будет шесть ближе к Рождеству, сэр.

– Вот как, – произнес Аласдэр. – Она такая маленькая. Ее рост соответствует возрасту?

Женщина затрепыхалась, как рассерженная курица.

– Она выше многих других детей.

– В самом деле? – пробормотал он. – У нее уже есть гувернантка?

– Ну конечно, сэр, – сказала нянька. – Но гуляю с детьми обычно я.

– Понятно, – сказал Аласдэр. – То есть нужны и гувернантка, и няня?

– Да, сэр, – утвердительно отвечала служанка. – С детьми всем хватает работы.

Аласдэр подумал.

– Она очень хорошо говорит, – продолжил он. – А в каком возрасте дети начинают говорить по-настоящему?

– Извините, сэр, вам никогда не приходилось иметь дело с детьми?

Аласдэр снова улыбнулся.

– Большое упущение, – признал он. – У меня есть младший брат, но он ненамного младше меня.

– Ну, к трем годам они обычно трещат как сороки, – сказала служанка. – А до этого лопочут, но мало что можно понять.

Они степенно прогуливались по парку: впереди Пенелопа с Аполло на поводу, за ними Аласдэр с няней. Женщина оказалась достаточно словоохотливой, и Аласдэр воспользовался возможностью задать множество вопросов о таинствах воспитания детей. Время от времени няня неодобрительно поглядывала на него, но отвечала на вопросы обстоятельно. Оказавшись неподалеку от Сент-Джеймс-стрит, он приподнял шляпу, поблагодарил ее, прибавил ходу и поспешил в клуб «Уайтс».

Разговаривая в парке с незнакомой служанкой, он чувствовал нелепость ситуации. Но он хотел знать, черт возьми! Он хотел понять, что его ждет после того, как хорошо налаженная жизнь неожиданно круто изменилась. По причинам, которые он не смог бы объяснить, ему не хотелось расспрашивать мисс Гамильтон. Она не была врагом. Нет, не совсем так. Но он смутно чувствовал, что у нее есть ключ к какой-то важной тайне. К разгадке, которая была рядом, но вне досягаемости, и это мучило.

Утром он почувствовал себя посторонним в собственном доме. Курительной комнаты не стало, бильярдного стола тоже, а вместо них появились женщины: одна совсем маленькая и своевольная, а другая смущающе хорошенькая, с красивыми пронцательными глазами, с волосами, из которых не успел выветриться аромат Шотландии. Да, лучше уж выглядеть идиотом здесь, перед женщиной, которую он не знает, чем в собственном доме, в глазах этой маленькой вспыльчивой гувернантки и собственного... ребенка.

Бог мой! Все сначала. В беззаботную жизнь с пирушками и весельем ворвалась грубая реальность. Аласдэр сильнее сдвинул шляпу на лоб, чтобы спрятать уныние в глазах, и заторопился к спасительному входу в «Уайтс». Один маленький грех, и что теперь! Слишком много свалилось на его голову, чтобы постигнуть за один день.

Было еще раннее утро, когда Эсме решилась на следующий шаг. Она быстро порылась в сундуке и отыскала ботиночки Сорчи, предназначенные для прогулок. Эсме осмотрела их и вздохнула. Увы, маленькие кожаные ботиночки выглядели совсем не так опрятно, как надо бы.

– Пошли, моя маленькая, – сказала она, беря девочку на руки. – Я не хочу, чтобы ты выглядела маленькой замарашкой среди этих разряженных англичаночек.

Вместе они спустились вниз, Сорча весело щебетала, глядя вокруг. На последней лестничной площадке она увидела восточную вазу, которая ей очень понравилась. Не слушая увещаний, она заупрямилась, стала вырываться и кричать во всю силу своих легких: «Дай! Дай мне!»

Кое-как Эсме ее усмирила, но у буфетной Сорча потребовала, чтобы ее опустили на пол. Руки у Эсме были заняты, поэтому она толкнула дверь боком и высунулась в проем. К несчастью, она не заметила камердинера Маклахлана, спешащего в противоположном направлении. Движущаяся дверь ударила его по локтю, отчего он приглушенно чертыхнулся.

– Ой, что я наделала! – вскрикнула Эсме, переступая порог. Стопка шейных платков и одежда из черной шерсти оказались на полу. – Ох, мистер Эттрик! Простите меня.

– Право, мисс Гамильтон! – с досадой сказал камердинер, поднимая упавшее. – Я только что закончил чистить эту одежду!

Эсме опустила Сорчу на пол и, встав на колени, попыталась спасти свеженакрахмаленные шейные платки.

– Мне так жаль, – говорила она, быстро поднимая их. – У меня были заняты руки. Я не видела вас.

Эсме распрямилась и положила шейные платки на стол для чистки одежды. Эттрик теперь отряхивал фрак, прекрасный фрак, явно сшитый из первосортной материи.

– Ладно, кажется, большой беды не случилось, – проворчал Эттрик, снимая с фрака нитку. – Только немного почистить здесь и вот здесь. Хоз, поживей, старина! – крикнул он через комнату одному из лакеев.

Лакей у противоположного конца длинного стола оторвался от работы.

– Что там еще, Эттрик? – спросил он. – Мне нужно вычистить эту обувь.

Эттрик махнул в его сторону фраком.

– Сэр Аласдэр хочет, чтобы это доставили в дом миссис Кросби, – сказал он. – Отвези часам к четырем.

– Что мне, делать больше нечего, как только лететь сломя голову в Блумсбери? – пожаловался лакей.

– Больше нечего. – Эттрик кисло улыбнулся и повесил фрак на вешалку у того конца стола, где трудился Хоз. – И на этот раз не забудь чехол из муслина.

Эттрик возвратился к столу и начал рассматривать шейные платки. Не спуская глаз с Сорчи, Эсме взяла одну из щеток. Она не смогла сдержать любопытство.

– Кто такая миссис Кросби, мистер Эттрик?

Лакей на дальнем конце стола что-то затараторил. Эттрик устало вздохнул.

– Миссис Кросби – близкий друг сэра Аласдэра.

– Ага, одна из подружек, – вмешался лакей. – Эттрик, ты мог бы прямо сказать крошке, если уж она будет жить здесь. Миссис Кросби – актриса и одна из его любовниц. Но об этом не положено говорить за стенами дома.

Эттрик бросил на лакея уничтожающий взгляд, но ничего не сказал. Эсме торопливо почистила ботиночки Сорчи и вместе с девочкой ретировалась в детскую.

Близкий друг. Одна из подружек. Интересно, сколько подружек может быть у такого мужчины, как Маклахлан? Наверное, не сосчитать. Тогда понятно, что он не может упомянуть их всех, из чего лишний раз следует, какой дурочкой была ее мать, если поддалась его чарам. И это лишний раз показывает, какой осторожной надо быть с Маклахланом. Под взглядом его карих глаз легко растаять. Скорее всего он смотрит так на каждую женщину.

Сердясь на себя за такие мысли, Эсме заставила себя выбросить их из головы. Она надела на Сорчу светлое пальтишко и шляпку и обула ее в только что почищенные ботиночки, после чего сообщила Уэллингзу, что они идут гулять. Эсме могла только догадываться, что входит в обязанности гувернантки, но

прогулки с ребенком, конечно же, входили в их перечень, потому что Уэллингз не удивился.

– Идем гулять! – твердила Сорча, когда Эсме понесла ее вниз по лестнице. – Гулять, Мей! Я иду гулять!

Уэллингз снисходительно улыбнулся ребенку.

– Она твердо знает, чего хочет, не так ли?

Эсме кивнула.

– Да, и это не помешало бы знать каждому, – пробормотала она и поставила девочку на пол. – Не скажете ли вы мне, Уэллингз, как пройти в Мейфэр? Боюсь, я могу заблудиться.

– Мы довольно далеко от Мейфэра, мисс, здесь нет прямой дороги, – сказал он, указывая направление.

Эсме поняла, что Сорча не сможет дойти туда. Но она не посмела нанять экипаж, детскую коляску еще не доставили, поэтому она отправилась в путь, придерживаясь указанного дворецким направления. Что ж, когда девочка устанет, придется взять ее на руки.

В свежем прохладном воздухе пахло дождем. Пройдя через обширные парки, Эсме вышла к Мейфэру и вскоре оказалась там, где окружающие дома показались ей знакомыми. Она была здесь дважды и уже узнавала красивые дома в георгианском стиле.

Чувствуя, как отзываются болью на каждый шаг стертые еще накануне до волдырей ноги, держа Сорчу на руках, она направилась к Гросвенор-сквер. После долгой, утомительной недели, проведенной в дороге, и двух мучительных дней в Лондоне Эсме начала ненавидеть Англию и все с ней связанное. Единственной удачей, если так можно сказать, оказался сэр Аласдэр Маклахлан. Тем не менее она была уверена, что не имела права жить в доме этого мужчины и разыгрывать из себя гувернантку собственной сестры. Мапочка была бы шокирована ее поведением, хотя не Эсме являлась причиной всех бед.

Когда в обществе узнают, что у неисправимого повесы сэра Аласдэра появилась воспитанница, наверняка пойдут разговоры. Эсме решила вести себя очень сдержанно, а произошедшее утром в столовой дополнительно показало, что она внезапно и неожиданно для себя оказалась в самом зависимом положении. Она оказалась прислужгой. Даже в доме отчима к ней не относились настолько высокомерно. Ее ладонь еще чесалась от желания дать пощечину брату сэра Аласдэра. Лорд Уинвуд по крайней мере выказывал больше сочувствия. Она заметила, как он с упреком взглянул на Меррика.

До знакомой зеленой двери Эсме добралась, слегка запыхавшись, и остановилась, чтобы пересадить Сорчу на другую руку.

– Зеленая, Мей, – сказала малышка, показывая на дверь ручкой. – Зеленая, видишь?

Да. Зеленая. Такая же, как и в те два раза. И, как и раньше, дверной молоток отсутствовал. Но Эсме не для того проделала длинный путь, чтобы уйти ни с чем. Она поднялась по ступенькам и постучала в массивную деревянную дверь. Она слышала, как гулко разнесся звук внутри дома.

– Проклятие, – прошептала она.

– Проклять, – повторила за ней Сорча.

Ох, нужно следить за своим языком.

– Такая нехорошая дверь, да, моя маленькая? – говорила Эсме, чмокая девочку в щечку. – Почему нам ее никогда не открывают?

В этот момент мимо с грохотом прокатило сверкающее черно-красное ландо и остановилось у соседнего дома. Из него вышел высокий темноволосый господин и крикнул кучеру, чтобы тот ехал вокруг и поставил карету у конюшен. Экипаж отъехал и повернул на Чарлз-стрит. Эсме пошла вслед за ним. Вскоре кучер свернул вправо и въехал в проход между домами. Эсме подошла ближе.

Между высокими кирпичными стенами обнаружился тенистый проулок, из которого повеяло холодком. Эсме пошла дальше, рассматривая дома, мимо которых проходила. Вскоре ландо остановилось, и кучер наклонился, чтобы поговорить с женщиной, стоявшей на тротуаре с корзиной в руке. Отбросив всякую осторожность, Эсме бросилась к ним. Они заметили ее и повернулись.

– Прошу прощения, – произнесла Эсме, задыхаясь. – Вы здесь живете?

– Да, не сомневайтесь. – Женщина осмотрела ее с головы до ног, явно удивленная, почему Эсме прошла во двор, а не навела справки на улице.

Эсме посадила Сорчу на другую руку.

– Не скажете ли вы мне, живет ли еще в соседнем доме леди Таттон? – спросила она, еще не успев успокоить дыхание. – Видите ли, дверного молотка нет и...

– Да, конечно! – воскликнула женщина. – Она уехала в Австралию.

Эсме испытала облегчение.

– Слава Богу, – прошептала она. – Я долго не имела от нее вестей. А есть ли в доме слуги?

Видя, что он ничем не может быть больше полезен, кучер уселся поудобнее и щелкнул кнутом.

– Сейчас нет никого, кроме Финчей, это муж и жена, оставленные присматривать за домом, – сказала женщина с корзиной. – Но у Бесс – так зовут миссис Финч – матушка заболела в Дептфорде, и в прошедший четверг они уехали туда.

Эсме поникла, разочарованная.

Женщина снова внимательно посмотрела на Эсме.

– У вас есть дело к ее светлости? – спросила она. – Насколько я знаю, ее светлость не ожидают в ближайшее время, по крайней мере Бесс ничего об этом не говорила, а она непременно сказала бы, я уверена.

– Я... Да, мне нужно с ней встретиться, – признала Эсме. – Но мы не виделись уже несколько лет.

– Она уехала с дочкой, которая была в интересном положении, – сказала женщина. – Один ребеночек начал болеть. Потом появилась двойня. А дальше, как говорит Бесс, одно тянет за собой другое. Но так как она не отказалась от дома, значит, еще возвратится.

Сорча на руках у Эсме начала вертеться.

– Яблоко, Мей, – потребовала она. – Дай яблоко!

Женщина вынула из корзины яблоко и протянула ей.

– Какая хорошенькая девочка, – сказала она, расплываясь в улыбке. – И такие необыкновенные голубые глазки! Ты это хочешь, дитя?

Сорча взвизгнула от восторга, растопыривая и сжимая в кулачок пальчики, как она уже проделывала утром, когда ей понравились часы Меррика Маклахлана.

– Спасибо, но лучше не надо, – сказала Эсме. – Право, лучше не надо.

– Отчего же, пусть возьмет, – сказала служанка, вкладывая красное яблоко в маленькие протянутые ручки. – Я только что с Шепердского рынка, так что яблоко свежее.

Опасаясь буйного нрава Сорчи, Эсме поблагодарила женщину. Та улыбалась Сорче.

– Какой красивый ребенок! – продолжала она. – Теперь о леди Таттон. Если хотите, я могу передать что-нибудь Бесс.

Эсме обрадовалась.

– Письмо, – торопливо сказала она. – У меня с собой письмо для леди Таттон. Будьте так добры...

Женщина смотрела сочувственно.

– Хорошо, я передам его Бесс, мэм, но, насколько я знаю...

– Да, да, я понимаю, – сказала Эсме. – Ее не ждут. Но все же попросите миссис Финч оставить письмо до ее возвращения. Не важно, когда она появится.

Женщина взяла письмо, которое Эсме извлекла из кармана.

– Может быть, она отправит письмо ее светлости, если хотите?

Эсме покачала головой.

– Это займет месяцы, а я уже послала два письма, но так и не знаю, дошли они или нет.

Женщина сочувственно кивнула и снова обратила свое внимание на Сорчу, которая уже впиалась маленькими зубками в сочную мякоть яблока.

– Ах, какие глазки, – сказала она еще раз. Затем понимающе взглянула на Эсме. – Достались со стороны отца, конечно?

– О да, – устало ответила Эсме. – Безусловно. Со стороны отца.

Глава 3,

в которой мисс Гамильтон получает урок

Аласдэр прислушался к дыханию спящей Джулии: оно было спокойным и ровным все эти несколько часов. Звук ее дыхания действовал на него успокаивающе. К нему сон не шел. Он отошел от кровати и устроился в шезлонге у окон, чтобы не потревожить спящую. Он смотрел вниз, на Бедфорд-плейс, – там полицейский в синем мундире степенно прохаживался в свете газовых фонарей, – когда

услышал, что дыхание Джулии изменилось.

– Аласдэр? – сонно проговорила она, приподнимаясь на локте. – Аласдэр, который час, дорогой?

– Около четырех, наверное, – отвечал он рассеянно. – Я разбудил тебя, милая?

Джулия встала и пошла к нему, кутаясь в халат.

– Что случилось, Аласдэр? – спросила она. – Обычно ты спишь сном невинного младенца.

Он засмеялся.

– Господь Бог в конце концов решил исправить эту ошибку, – отвечал он. – Полночи прошло, а я так и не заснул.

– Мне жаль, – сказала она. – Боже, ты куришь. Не рано ли для тебя?

– Или поздно, все зависит от точки зрения. – Он притянул ее за руку и посадил на шезлонг возле себя. – Извини, Джулия. Мне погасить?

– Ты знаешь, не надо. – Она подтянула под себя ноги и прикрыла их халатом.

Джулия была пухленькой, хорошенькой, добродушной, и с момента их знакомства, которое состоялось несколько месяцев назад, Аласдэр был рад каждой минуте, проведенной с ней.

– Тебе понравилось, как они сыграли, моя дорогая? – Он стряхнул пепел с конца сигары. – Я считаю, что твоя подруга Генриетта Уилер была великолепна.

– Фи, Аласдэр! – произнесла Джулия. – Ты вообще никогда не замечал ее.

– Но не тогда, когда мы специально пошли посмотреть на нее.

Джулия провела рукой по его щеке.

– Тогда быстро скажи, какая у нее была роль?

При свете луны выражение досады на его лице не осталось незамеченным.

– Я... ну, ты права, Джулия, – признался он. – Боюсь, мои мысли витали где-то далеко.

Джулия дружелюбно пожала плечами.

– Это не важно, но послушай, мой мальчик. Прежде чем ты растворишься в ночи, мне нужно рассказать тебе кое-что.

Аласдэр погасил сигару. Внезапно он перестал получать от нее удовольствие.

– Мне тоже есть что рассказать тебе, Джулия. Пожалуйста, позволь мне начать первому.

– Ну конечно, так я и знала! – В голосе Джулии слышалась ирония. – Как ее зовут? Уверена, что она вдвое моложе меня и весит в два раза меньше.

Аласдэр скривился.

– Боюсь, различий гораздо больше, – признал он. – А зовут ее Сорча.

– Так она шотландка! – воскликнула Джулия. – Понятно, мой мальчик. Я всегда говорила – держись своих. Тогда расскажи мне, как долго ты знаешь свою Сорчу?

К тому времени, когда Аласдэр закончил отвечать на этот вопрос, над крышами Бедфорд-плейс занималась заря. Джулия давно пересела за прикроватный столик и налила Аласдэру его любимого виски, которое всегда держала в доме на случай его прихода. Когда он закончил свой рассказ, она налила виски и себе.

– Боже мой, – прошептала она, поворачиваясь к Аласдэру. – Ты действительно думаешь?..

Аласдэр сидел, подперев голову рукой.

– Джулия, у меня остались самые смутные воспоминания, – заговорил он. – Будто я делаю что-то такое, о чем утром буду жалеть, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– О, очень хорошо понимаю, – сказала она сочувственно. – Но, Аласдэр, ты так часто поступаешь опрометчиво, что это могло быть что-то совершенно другое.

Он покачал головой.

– Ребенок как две капли воды похож на моего брата Меррика.

У Джулии вырвался короткий смешок.

– А эта молодая женщина, сестра. Что она?

Аласдэр простонал.

– Она сама почти ребенок.

– В самом деле? И сколько ей лет?

– Ну, наверное, семнадцать. Нет, подожди. Она сказала – двадцать два.

Джулия засмеялась.

– Бог мой, Аласдэр! Она взрослая женщина!

– Едва ли. Крошка, даже в промокшей насквозь одежде, не будет весить и сорока пяти килограммов, и она простодушна, как только может быть простодушна девушка из Шотландии.

Джулия пожала плечами.

– Мой милый мальчик, когда мне было двадцать два года, я уже похоронила мужа и дала отставку двум покровителям. Что касается наивности, то внешность бывает обманчивой. А теперь послушай мой рассказ.

Аласдэр поднял свой стакан.

– Разумеется. Моя жизнь едва ли запутается еще больше.

Но на этот счет он ошибся. Джулия села очень прямо, отставила в сторону виски и чинно сложила руки на коленях.

– Новость совершенно потрясающая, – предупредила она. – Ты, надеюсь, не настолько стар, чтобы с тобой случился удар?

Аласдэр нахмурился.

– Мне тридцать шесть лет, и ты это знаешь. Хватит об этом.

Джулия наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Аласдэр, дорогой мой... – Она остановилась и неровно вздохнула. – Я... беременна.

Аласдэр выронил стакан. Он с мягким стуком упал на ковер.

– О Боже, Джулия. – Он прикрыл глаза. – Только не это. Нет. Будь милосердна.

Она положила теплую руку ему на колено.

– Я не шучу, любовь моя, – торопливо продолжила она. – Конечно, я в смятении, а мой врач все еще не встает с постели, оправляясь от шока. Но, Аласдэр, ребенок не твой.

Он издал отрывистый звук и приоткрыл один глаз.

– Не... мой?

Джулия сердито посмотрела на него.

– Аласдэр, дорогой, мы не обещали друг другу ничего, кроме дружбы, – отвечала она. – Мы неделями не виделись. Ты оставался верен мне?

Он откашлялся.

– Я... хорошо, я мог бы сказать... я не очень понимаю...

Она сильнее надела на его колено.

– Аласдэр, позволь мне говорить прямо, – прервала его Джулия. – Я знаю об Инге Карлссон и ее маленькой квартирке на Лонг-Акр.

– Что ты, Джулия! Я просто забежал к ней! Клянусь тебе! Мы просто друзья.

– Такие же друзья, как мы с тобой? – лукаво спросила она. – И мы не будем говорить о жене лорда Филда. И о служанке из таверны в Уоппинге. И о той французской танцовщице. Я знаю – ты ничего не можешь с собой поделаться. Я знаю, что женщины обожают тебя. Но я не понимаю, зачем тебе нужно скрывать это от меня?

Аласдэр сглотнул.

– Я не скрываю, – солгал он.

Джулия рассмеялась.

– Ты скрываешь, мой дорогой, – сказала она. – Ты инстинктивно изворачиваешься, ну совсем как восьмилетний озорник, который, когда его спрашивают, что он делает, мгновенно выпаливает «ничего не делаю»! И произносит это так мило, так невинно, что сразу становится ясно – опять нашкодил.

– Мне такое никогда не приходило в голову, вот и все, – клялся он. – Как я мог даже подумать об Инге, когда я с тобой?

– Потому что Инга блондинка, с высокой грудью, красивая, тоненькая и двигается грациозно, как кошка, – предположила Джулия. – Кроме того, она по крайней мере лет на двадцать моложе меня.

– Я редко увлекаюсь этим сортом женщин, – правдиво сказал Аласдэр. – Кроме того, Джулия, наши с тобой отношения... совершенно особенные.

– Ну да, я ведь гожусь тебе в матери, – сказала она сухо. – В этом заключается их особенность.

Он взял ее за руку.

– Конечно же, это не так, – отвечал он и посмотрел на нее внимательно и с участием. – Но ты, Джулия, не настолько молода, чтобы иметь ребенка. Боже милостивый. Кто его отец? Что ты собираешься делать?

– Молиться, – сказала она с улыбкой. – А что до отца, то это брат Генриетты. Мы с ним друзья уже двадцать лет, ты знаешь.

– Эдвард Уилер, драматург? – Аласдэр недоверчиво посмотрел на нее. – Ты любишь его, Джулия?

Она засмеялась, легко и звонко.

– Не смейся, что за вопрос, да еще от тебя! Я уважаю его и обожаю его. – Она села, одна рука на животе. – Аласдэр, я хочу этого ребенка, если только у него есть шанс появиться на свет.

– Ты собираешься выйти за него замуж, Джулия? – Он сердито посмотрел на нее. – Ты должна, сама знаешь.

Она снова засмеялась.

– Ну, Аласдэр! – сказала она. – А еще слывешь распутником! Я начинаю думать, что ты не таков, каким тебя считают!

– Не дразни меня, Джулия. Это серьезно.

Она помрачнела.

– Я знаю, – сказала она. – И я не знаю, что мне делать. Конечно, я сказала Эдварду. Мы оказались в очень сложном положении. В нашем возрасте глупо бежать к алтарю, когда шансы на то, что я доношу ребенка... не очень хороши.

– Боже, Джулия. Конечно, я желаю тебе всего наилучшего.

Она улыбнулась немного печально.

– Еще год или два – и это было бы совершенно невозможно, – сказала она. – Разумеется, я считала, что причина в другом, пока меня не стало тошнить по утрам.

Аласдэр знал, что тревожит Джулию. На вид ей можно дать лет сорок, скорее всего ей больше, возможно, намного больше. Поскольку в прошлом она была актрисой, то знала, как замаскировать следы возрастных изменений. Но ребенок? Он не на шутку встревожился.

– Он правильно себя поведет? – потребовал ответа Аласдэр. – Я имею в виду, Уилер.

– Думаю, да, – сказала она. – Он все еще в шоковом состоянии. Но я хочу ребенка независимо ни от чего.

Он встал и поцеловал ее руку.

– Тебе нужен муж, Джулия. Я хочу сказать, нужно настоять на этом.

Она взглянула на него увлажнившимися глазами.

– Возможно, ты прав. Я подумаю над этим, дорогой.

– Хочешь, я поговорю с Уилером? Я могу это сделать. С радостью.

Джулия побледнела.

– О Боже, нет! Я пытаюсь сказать тебе, Аласдэр, что мы не можем продолжать видеться, совсем. – Она понизила голос до шепота. – Это будет нехорошо, сам понимаешь. Сегодняшняя ночь была – ну, прощальной.

Аласдэр потянулся за своей рубашкой и начал натягивать ее через голову.

– Итак, прости-прощай, – сказал он шутливо. – После всего, что между нами было, ты отбрасываешь меня, как старый башмак, нимало не задумавшись?

Джулия улыбнулась.

– Конечно, это будет выглядеть несколько странно, поскольку все знают, что мы близкие друзья.

Аласдэр поцеловал ее в носик.

– В высшей мере странно, старушка.

Ее глаза снова оживились.

– Нет, нет, Аласдэр, я никогда полностью не откажусь от тебя, – сказала она. – Я просто не буду больше спать с тобой.

– Ну вот, а это, – сказал он грустно, – настоящая потеря!

Эсме стояла у окна классной комнаты и смотрела вниз на Грейт-Куин-стрит, когда сэр Аласдэр Маклахлан осторожно сошел с кеба и поднялся по ступенькам. Эсме уже четыре часа как позавтракала, а Маклахлан все еще был в вечернем костюме, который Эттрик чистил вчера. Значит, его не было дома всю ночь – и одному Богу известно, где он оставил другую одежду. Так она и думала. Весь вчерашний день она ощущала его отсутствие. С этим непонятным ощущением она и легла спать.

– Мэм?

Она отвернулась от окна и увидела лакея.

– Куда вы хотите поставить это? – Деревянные стульчики были такими маленькими, что он легко держал по одному в каждой руке.

Эсме удивилась.

– Как, еще стулья? – Слуги уже целый час возились с мебелью.

– Да, мэм, – сказал лакей. – Десять штук.

– Десять стульев? Но это слишком много, лишние расходы. О чем только Уэллингз думал? – Эсме покачала головой. – Поставьте эти вокруг стола, их и еще четыре. А остальные можно поставить у стены, так, наверное?

Была еще одна проблема. Как уже заметил Маклахлан, все, что она говорила, начинало звучать как вопрос. Она знала, как быть леди и вежливо отдавать распоряжения слугам. Но совсем другое – оказаться одной из них или почти одной из них. Все дело в том, что она здесь ни рыба ни мясо, решила Эсме, снова отворачиваясь к окну. Если в сэре Аласдэре Маклахлане и было что-то от шотландца, кроме его пристрастия к виски, оно давно исчезло. А жаль.

Раздался звук отворяемой двери. Она снова обернулась и увидела Уэллингза, зашедшего осведомиться насчет мебели.

– Все ли подошло, мэм? – спросил он.

– Да, благодарю вас. – Она направилась в сторону двери, ведущей в детскую, которая была чуть приоткрыта. – Сорча уже спит в своей маленькой кроватке. Но зачем так много стульев?

Брови у Уэллингза поползли вверх.

– Вчера сэр Аласдэр решил сам заняться покупками. Я полагаю, он пожелал приобрести все, что может понадобится ребенку.

– Понятно.

В душе Эсме признала, что комната преобразилась и стала очень уютной. Но такую расточительность не одобрил бы ни один истинный шотландец. Может быть, стулья рассчитаны на множество детей. На целый полк незаконных детей, рассеянных по всему Лондону.

Уэллингз учтиво поклонился.

– Сэр Аласдэр приглашает вас выпить с ним кофе в его кабинете, – прибавил он. – Через полчаса, если вас не затруднит.

– Боюсь, я не смогу, – отвечала Эсме. – Сорча может проснуться и...

– Сэр Аласдэр сказал, что здесь побудет Лидия, – возразил он.

Эсме уже встречалась с Лидией, девушкой со свежим личиком, которая приносила им с Сорчей чай и готовила постели. То, что Маклахлан сам потрудился предусмотреть их нужды, очень удивило Эсме.

– Лидия – старшая из восьми служанок, – добавил дворецкий одобрительно. – Она очень хорошо умеет обращаться с детьми.

Где-то внутри Эсме поежилась. Лидия едва ли была менее опытна, чем Эсме. Может быть, если бы она не согласилась остаться, Сорча уже была бы под присмотром кого-нибудь знающего. Кого-нибудь, действительно умеющего обращаться с детьми. До недавних пор Эсме по большей части только играла с сестренкой. Сейчас это представлялось невозможным счастьем. И чем-то, что было в другой жизни.

– Мисс Гамильтон, так что насчет кофе? – спросил дворецкий.

Она вскинула голову.

– Хорошо, – сказала она. – Через полчаса.

Вскоре пришла Лидия – с корзинкой для штопки, которой она собиралась заняться. Эсме прошла в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. В зеркале, висевшем над умывальником, она увидела свое отражение. Широко расставленные зеленые глаза под темными дугами бровей. Глаза у нее были, она знала, как у матери, самое красивое в ее внешности.

Эсме часто говорили, что она похожа на мать, и это скорее пугало ее, чем радовало, особенно когда она оказывалась в обществе молодых людей типа Маклахлана и чувствовала, как учащается ее пульс. Но у ее матери волосы были роскошного каштанового цвета, тогда как у нее неопределенного коричневатого, густые и тяжелые, отчего всегда выбиваются из прически. Ее нос... просто нос, подбородок... обычный подбородок, тогда как каждая черточка лица ее матери была совершенством. Нет у нее и каких бы то ни было очаровательных черточек в виде вздернутого кончика носа, ямочек на щеках или на подбородке, на которых мог бы остановиться взгляд.

Вдруг она отпрянула от зеркала. Выбрала же время, чтобы переживать по поводу своей внешности! Несмотря на хрупкость и юный вид, она была в том возрасте, в котором уже трудно рассчитывать выйти замуж, и вряд ли ее обстоятельства могли измениться. Может быть, было время, когда ей хотелось провести сезон в Лондоне. Но замужества ее матери приводили их из одного удаленного имения в другое, каждое последующее оказывалось в еще более глухом уголке Шотландии, чем предыдущее.

Хотя лорд Ачанолт никогда не приглашал Эсме сопровождать их в частых поездках, один или два раза в год мать Эсме брала ее с собой в Инвернесс или Эдинбург за покупками. Конечно, в доме бывали гости, устраивались званые обеды. До тех пор пока Ачанолт не положил этому конец, у ее матери была целая свита обожателей, потому что ей нравилось заставлять мужа ревновать. Но когда Эсме в конце концов начинала настаивать на большем, нижняя губа ее матери неизменно выдвигалась вперед.

– Подожди, – говорила она. – Вот вернется из-за границы тетя Ровена. Тогда мы и тебя вывезем, милая, я обещаю.

Но, похоронив совсем молодыми троих мужей, она стала бояться оставаться в одиночестве. Эсме уяснила, что сделалась единственным оплотом стабильности в жизни матери. Ачанолт, за которого ее мать вышла замуж, когда Эсме было шестнадцать, скоро стал суровым и мрачным и совсем отдалился от них. Через

два счастливых года совместной жизни в старом замке все чаще стало звучать слово «развод».

Однажды она услышала болтовню старого садовника: «Ну точно как кот за своим хвостом, – ворчал тот. – Старый дьявол заполучил ее и теперь не знает, что с ней делать, это ведь совсем не так весело, как охота». Что более или менее подытоживало брак лорда и леди Ачанолт.

Ладно, «старый дьявол» никогда не давал себе труда быть учтивым в присутствии Эсме. Когда он выгнал их, она испытала странное облегчение, как бы глупо это ни звучало. Паника была роскошью, которую она не могла себе позволить, если учесть ответственность, которую Ачанолт внезапно переложил на нее. Конечно, сейчас вряд ли есть причина паниковать. Она просто не может позволить Аласдэру Маклахлану нарушить ее спокойствие, как бы красив и обаятелен он ни был. Размышляя об этом, она напонила себе, что зря тратит время. Эсме быстро заколола волосы и поспешила вниз по лестнице.

Она, как и предполагала, нашла Маклахлана в его кабинете. Он переоделся в темно-зеленый сюртук, под которым был шелковый жилет цвета соломы, и облегающие коричневые брюки. Шейный платок был элегантно завязан под квадратным свежесбранным подбородком. Да, он выглядел потрясающе красивым, и то, что он выглядел так после разгульной ночи, вызвало у нее досаду. Ему следовало бы по крайней мере иметь болезненный вид.

К ее удивлению, Маклахлан сидел не за подносом с кофе, а за своим письменным столом, и в его позе не было ничего безвольного и вялого. Напротив, он сидел прямо и неподвижно, как делающая стойку охотничья собака, весь погруженный в свое занятие. Если его и мучили последствия бессонной ночи, проведенной с миссис Кросби, по его виду этого никак нельзя было утверждать.

Подойдя ближе, она поняла, что погружен он был отнюдь не в работу. Он увлекся какой-то разновидностью карточной игры. Его густые золотистые волосы упали на лоб и скрывали глаза. Вдруг, пробормотав проклятие, он сгреб карты и перетасовал их. Затем сосредоточенно перетасовал их еще раз – карты казались продолжением его длинных, удивительно быстрых и ловких пальцев.

Она подошла к столу, с трепетом ожидая, когда же он обнаружит ее присутствие. В этот момент он отодвинул карты в сторону, взглянул на нее, и что-то изменилось в его взгляде. Как будто она пробудила его ото сна. Он встал, и через мгновение глаза его снова приобрели ленивое, сонное выражение.

– Доброе утро, мисс Гамильтон, – сказал он. – Прошу вас, садитесь. Она прошла к указанному им искусно инкрустированному шератонскому креслу, стоявшему у чайного столика.

Комната была выдержана в голубых и кремовых тонах. Голубой шелк стен отражался в высоких, от пола до потолка, зеркалах в простенках между окнами; пол покрывал толстый ковер кремового цвета. Появился лакей с небольшим подносом с кофе и поставил его на дальний конец чайного столика. Маклахлан попросил Эсме налить кофе. Кофе оказался очень крепким, очень вкусным и странным образом наводил на мысль о бархате.

– Уэллингз сказал мне, что вчера вы водили девочку на прогулку, – сказал Маклахлан. – Надеюсь, вы обе получили удовольствие?

Ей не хотелось говорить о своем визите к тете Ровене. Может быть, потому, что не хотелось выглядеть доведенной до отчаяния и глуповатой.

– Лондон такой большой, – пролепетала она, – но прогулка оказалась приятной.

– Как далеко вы ходили?

– Ну, кажется, до Мейфэра.

– Прекрасная часть города, – отметил он. – Хотя я предпочитаю тишину и спокойствие здешнего окружения.

– Конечно, здесь гораздо лучше. – Эсме осторожно сделала глоток горячего кофе. – Скажите, Маклахлан, вы часто играете в карты?

Сегодня в его взгляде появилось что-то циничное, и она слегка насторожилась.

– Думаю, вы знаете, что да, мисс Гамильтон, – отвечал он ровно и сухо. – Как вам удастся заставить меня почувствовать себя так, как будто я все еще в Аргайллшире? А ваша манера обращаться ко мне? Я ведь не единственный Маклахлан.

– Что касается вашего клана, возможно, вы правы, – прямо ответила она.

Глаза у него широко раскрылись.

– У меня нет клана, мисс Гамильтон, – сказал он. – У меня есть земли, да, хотя этим нечего хвастаться. Мой дед сражался с якобитами, и за службу король бросил ему кость – титул баронета.

– Король Англии.

– Прошу прощения?

– Титул баронета ему пожаловал король Англии.

Маклахлан поднял бровь.

– Твердокаменная шотландка, вот вы кто, так?

– Да, и я не знаю других.

Он засмеялся.

– Скажите мне, мисс Гамильтон, а вы не из тех изменников, которые продолжают поднимать бокалы за заморского претендента? Не приютил ли я тайную якобитку?

Эсме слабо улыбнулась.

– Скорее всего вы приютили приверженку исторической точности, – заметила она. – Вы хотите, чтобы я называла вас сэром Аласдэром?

Он пожал плечами и начал помешивать кофе медленными, расслабленными движениями, которые, по-видимому, были вообще свойственны ему. Во всех случаях жизни, кроме игры в карты.

– Не думаю, чтобы меня это действительно заботило, – наконец признался он. – Называйте меня как хотите. Я не поклонник точности ни в какой ее разновидности.

– Не могу согласиться полностью, – сказала она. – Я думаю, вы очень точны, когда играете в карты.

Он взглянул на нее из-за чашечки с кофе и тонко улыбнулся.

– Прихожу к выводу, что вы недооцениваете мой талант, – ворчливо сказал он. – Но при условии, что он хорошо отточен, игра в карты, мисс Гамильтон, становится искусством, с помощью которого бедный молодой шотландец может идти своим путем в этом мире.

– Так вы несчастный бедняк? – Она выразительно посмотрела на его элегантный сюртук, стоявший, вероятно, больше, чем половина ее гардероба.

– Нет, и никогда им не был. – Его глаза опасно заблестели. – Но в настоящее время я, как вы недавно напомнили мне, очень богатый джентльмен. И, уверяю вас, я никогда бы не стал им, если бы жил за счет своих арендаторов.

– Возможно, вы стали им в силу слабостей других людей, – предположила она. – Азартные игры по своей природе нечестны.

– Меня нимало не волнуют слабости мужчины, мисс Гамильтон, если он так глуп, что садится играть за стол со мной, – отвечал он невозмутимо. – И когда я играю, ничто не остается на волю случая. Все дело в вероятности и статистике – вещах настолько реальных и ощутимых, что их можно рассчитать на обороте старой газеты.

– Как нелепо это звучит! – возразила она. – Вы пытаетесь выдать порок за добродетель. Всем известно, что игра в карты зависит от удачи.

– В самом деле? – Он потянулся за колодой карт. Ловким движением он разложил их на столе веером. – Возьмите карту, мисс Гамильтон. Любую карту.

Она хмуро посмотрела на него.

– Это не деревенская ярмарка, милорд.

– Мисс Гамильтон, вы боитесь, что, несмотря на ваше знание жизни, вы в чем-то можете оказаться не правы?

Она схватила карту.

– Прекрасно, – сказал он. – Теперь у вас в руках карта...

– Как вы проницательны, Маклахлан.

Напряжение повисло в комнате.

– ...карта, которая может быть или черной, или красной, – продолжал он. – Шансы пятьдесят на пятьдесят, не так ли?

– Так, но при чем здесь наука?

– На самом деле очень даже при чем, – сказал он. – Конечно, есть еще другая переменная.

– Мне кажется, их пятьдесят две.

Его брови снова поползли вверх.

– Давайте поэкспериментируем, мисс Гамильтон, – предложил он. – Карта, которую вы держите в руке, или туз, или фигурная, или нефигурная. Сейчас, когда на столе рубашками вверх лежит пятьдесят одна карта, вероятность того, что у вас туз, составляет четыре к пятидесяти двум. Согласитесь, шансов мало.

– Как я уже сказала, все дело в удаче.

Он поднял вверх палец.

– А вероятность того, что у вас фигурная карта, – двенадцать к пятидесяти двум, так?

– Да, так.

– А вероятность, что это нефигурная карта, – тридцать шесть из пятидесяти двух, верно?

– Конечно.

– Тогда я предположу, мисс Гамильтон, что вы держите в руках нефигурную карту. Вероятность этого выше, как видите. Я осмелюсь предположить также, что это карта красной масти.

Эсме посмотрела на свою карту и побледнела.

– Разрешите мне взглянуть?

Она неохотно положила на стол восьмерку бубновой масти.

– И все же это просто удачная догадка, – пожаловалась она.

– Первое неверно, – возразил он. – Но второе верно. Мисс Гамильтон, есть разница между вероятностью и удачей. Теперь переверните карту рубашкой вверх и возьмите другую.

– Это нелепо. – Но она сделала, как он просил.

– Теперь, мисс Гамильтон, вы изменили вероятность, – сказал он, не сводя с нее глаз. – Теперь у нас пятьдесят одна карта, поскольку восьмерка бубновой масти вышла из игры.

По его настоянию они повторили те же действия еще более десяти раз. Четыре раза сэр Аласдэр ошибся. Эсме пыталась торжествовать, но с каждым разом

точность его догадок возрастала. Он неизменно называл вероятность угадывания для каждой последующей карты. Цвет масти, фигурная или нефигурная. Вскоре он смог угадывать не только это, но саму масть и даже число.

Голова у Эсме шла кругом. Что еще хуже, сэр Аласдэр, казалось, мог точно назвать, какие карты вышли из игры и какие остались. Она вспомнила стопку загадочных книг в курительной комнате, которые невозможно было читать. Ей пришлось с досадой признать, что он, должно быть, не только прочитал, но и понял все эти проклятые книги.

После того как он правильно назвал четыре карты одну за другой, Эсме встала.

– Все это ужасно глупо, – сказала она, откладывая в сторону последнюю карту. – Сэр, вряд ли вы позвали меня затем, чтобы забавляться с картами?

Он смел карты со стола.

– Вы, мисс Гамильтон, высказали пренебрежение к тому, как я обеспечиваю себе средства к существованию, – спокойно заявил он. – Я просто защищал свою честь от ваших жестоких и оскорбительных обвинений.

Эсме засмеялась.

– Но ведь вы, разумеется, живете не умом?

– Вы считаете, что у меня его нет? – с вызовом спросил он.

Она растерялась.

– Я не говорила этого.

– Но вы, помнится, предположили, что у меня вряд ли есть что-нибудь, кроме... дайте подумать... да, смазливой физиономии, разве не так?

– Я ничего такого не предполагала, – сказала она и поняла, что солгала. – Тем не менее игра в карты едва ли требует умственных усилий.

– Вам когда-нибудь приходилось играть в двадцать одно, мисс Гамильтон? – спросил он мрачно. – Идите к себе наверх и прихватите те три сотни фунтов из чернильницы, шляпной коробки или где вы их там прячете, и если вы не ведаете сомнений, давайте проверим ваше глубокомысленное утверждение.

Красавец Маклахлан с его золотыми волосами и неприятно резким голосом был сам дьявол, хуже того – дьявол с ангельской внешностью. У нее не было сомнений, что он ободрал бы ее до нитки, только чтобы доказать свою правоту.

– Нет, спасибо, я не играю в азартные игры.

– Вы, мисс Гамильтон, очень лихо сыграли, приехав в Лондон с этим ребенком.

– Она не этот ребенок, – сказала Эсме. – Она...

– Да, да, – прервал он ее, сделав отстраняющий жест рукой. – Она Сорча. Я помню это. Дайте мне время, мисс Гамильтон, приспособиться к этой огромной перемене в моей жизни.

Какое-то время они молча пили кофе. Эсме мучительно искала нейтральную тему для разговора, но так и не нашла.

– Как она? – наконец произнес Маклахлан. – Сорча? Она хорошо себя чувствует?

– О да, – сказала Эсме. – Она жизнерадостный ребенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/karlayl_liz/odin-malen-kiy-greh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)